

ИЗВЕСТИЯ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАРАИМОВ

Август 2015 г.

№ 16 (25)

г. Евпатория

КАРАИМСКИЕ БРАЧНЫЕ ДОГОВОРЫ В ФОНДАХ МИЭЖК им. С. И. КУШУЛЬ. (окончание, начало в № 15)

Этот договор примечателен, на наш взгляд тем, что он относится к числу последних шетаров, составленных в Крыму за время существования Советской власти. Угасание традиции составления брачных договоров у караимов, а также религиозной регистрации брака в иных конфессиях, объясняется передачей исполнения функций регистрации жизненного цикла человека (рождение, женитьба, смерть) от церковных организаций к государственным учреждениям с постепенной ликвидацией первых как таковых.¹ Составление брачного договора в советское время при государственной регистрации брака скорее являлось данью уходящей традиции предков, нежели необходимым условием ее исполнения.

Если со сменой государственной подчиненности Крыма в текстах шетаров имена крымских ханов-правителей заменялись именами российских императоров, то в рассматриваемом экземпляре изменения отображают как смену политического устройства государства, так и изменения в исторически сложившейся формуле текста первой части (шетар нисуин). В Евпаторийском шетаре 1947 года трансформации еще более заметны: при изменениях в первой части и совершенном отсутствии второй, в третьей части среди подписей свидетелей присутствуют две женские и одна мужчины явно не караимского вероисповедания.² Это единственный из всех брачных договоров коллекции МИЭЖК, где указано, что жених и невеста - вдовцы.

Сохранность рассматриваемого брачного договора жениха Эль Моисея Давидовича и невесты Коген Бикенеш Эльчефановны хорошая, текст читается свободно, за исключением мест на сгибах листа, где утрачены некоторые слова. Брачный договор был составлен на листе плотной, разлинованной от руки бумаги, размером 37 на 55 см, не содержит каких-либо орнаментов или аппликаций. Библейские стихи, сопутствующие составлению шетара, сведены к единственной фразе. Текст очерчен прямоугольной рамкой с полями в 2 см. Из 50 строк, написанных крымскокараимским полукурсивом, 1-я часть шетара содержит 17 строк, 2-я - 16, 3-я - 15, свидетельство газзана - 2. Между 1-й и 2-й частью шетара пропуск в 9 строк, между 3-й частью и свидетельством газзана пропуск в 11 строк. Первая часть шетара, вступление ко второй и свидетельство газзана написаны на древнееврейском языке, описание могоара и приданого невесты - на караимском. Все подписи шетара, за исключением двух, выполнены караимским полукурсивом.

Шетар сохранялся в свернутом виде; в нескольких местах на бумаге заметны оттиски 5-рублевой золотой монеты, традиционно сохраняемой внутри брачного договора.

Приводим перевод текста этого брачного договора с пояснениями к нему.

Нашел жену нашел благо и обрел милость от Господа.³

В⁴ первый день недели, в седьмой день месяца Ийар⁵ в году пять тысяч шестьсот восемьдесят четвертом Сотворения мира, по счислению христиан в день 11 месяца Май в год 1924, по летоисчислению, которого мы придерживаемся здесь, в общине караимов города Гозлув⁶ (он же Евпатория) полу-

¹ В Евпатории религиозная община юридически прекратила существование в 1927 году. Восстановленная при фашистской оккупации в 1942 г., спустя 17 лет она вновь была снята с регистрации. Государственная регистрация нынешней караимской религиозной общины Евпатории прошла в 1992 г.

² Кукшин Сергей Андреевич. В Крыму среди славян караимского вероисповедания мужчины с такими данными неизвестно.

³ Здесь в шетаре в этом стихе из Притч (18:22) вместо Тетраграмматона написано слово Адонай.

⁴ Перед текстом первой части отсутствует традиционная запись «Шетар нисуин», т. е. обязательства и изложение брачной церемонии.

⁵ Месяц Ийар по календарю выпадает на апрель-май.

⁶ Гозлув - традиционное караимское название города Евпатории (Гозлув, Гозлов, Козлов).

острова Крым в стране России. В этот день пришел почтенный и достойный¹ МОШЕ, юноша драгоценный, сын п.д. ДАВИДА, да будет память его благословенна,² ЭЛЬ, проживающий в городе Гозлувэ, в возрасте 24 лет, пред лице старцев общества караимов и сказал им. Будьте мне свидетелями и по данному мной ныне вам полномочию запишите и запечатайте³ то, что я говорю пред вами. И я не по какому-либо насилию или принуждению, вследствие ошибки или заблуждения, а от чистого сердца и с полным разумением выражаю перед вами мое желание и волю и ставлю вас свидетелями в том, что я избрал и обручил госпожу БИКЕНЕШ,⁴ девушку девственную, драгоценную дочь п.д. ЭЛЬЧАФАНА, д.б.п.е.б., КОГЕНА,⁵ в возрасте 22 лет, чтобы мне была она женой в чистоте и святости посредством могара, шетара и супружеского сожителства, согласно закону Моисея, человека Божьего, и священному обряду Сынов Священного Писания.⁶ Я буду содержать ее в полном почете, служить ей, исполнять ее желания и доставляя все необходимое для нее по мере сил и средств моих. Не буду обижать и унижать ее, буду неизменно верен ей, не лишу ее пищи, одежды и супружеского сожития, как записано в Тора. Буду обращаться с ней со справедливостью, с любовью и милосердием, как сыновья караимов,⁷ питающие любовь и уважение к достойным женам своим и исполняющие по отношению к ним все должное безукоризненно честно. Установленный законом за ее девственность выкуп, который я определил, как должный ей, я дам. И услышала госпожа БИКЕНЕШ, девица, дочь п.д. ЭЛЬЧАФАНА, п.е.б., она же невеста, слова п.д. юноши МОШЕ, сына п.д. у(важаемого) ДАВИДА, п.е.б., он жених, изъявила чистосердечное согласие быть его женою, его заветной подругой, оказывать ему послушание, почитать и уважать его и делать в доме его все, что дочери караимов⁸ делают в домах мужей своих, повиноваться его воле и к нему иметь свое влечение. И был заключен завет между п.д.у. юношей МОШЕ, драгоценным сыном п.д.у. ДАВИДА, п.е.б. ЭЛЬ, он жених, и госпожой БИКЕНЕШ, девушкой девственной, драгоценной дочери п.д.у. ЭЛЬЧАФАНА, п.е.б., КОГЕНА, она невеста, на основании всего записанного и изложенного выше. Настоящий шетар должен иметь такую же силу, какую имеют все шетары караимов,⁹ совершаемые и скрепляемые обыкновенно от сего дня и до века. А то, что было пред нами, все, что мы слышали и видели, мы записали, подписали и отдали в руки этой невесте, чтобы было в ее руках доказательством ее прав во всяком судилище Сынов Священного Писания, правдиво и нерушимо. Да устроятся и будут успешны долгие годы. Аминь.

Запись приданного¹⁰

г. Евпатория. Мая 11 дня 1924 года.¹¹ № 6.¹²

Вот наименование тех подарков, которые вышеупомянутый жених дал вышеупомянутой невесте своей как первый выкуп в знак принятия ее в супруги: одно золотое кольцо с тремя рубиновыми камнями.¹³ Последующий выкуп в двойном размере от первого остается в долгу за женихом согласно обычаю.

Приданое, которое принесла невеста из дома отца своего¹⁴ в дом жениха своего: шесть серебряных чайных ложек стоимостью 12 рублей, одно золотое блюдо - 12 рублей, 1 золотой медальон - пять рублей¹⁵ пятьдесят копеек, одно золотое кольцо - два с половиной рубля, всего тридцать два рубля.¹⁶ И

¹ Слова «почтенный и достойный» в тексте переданы аббревиатурой. В дальнейшем эти слова будут записываться в виде п.д.

² Память его благословенна (п.е.б.) - в виде аббревиатуры употребляется при упоминании имени умершего.

³ Дословный перевод написанного, обычно переводимый как «подпишите».

⁴ Имя Бикенеш (Бий кенеш) в переводе с караимского означает «княжья советница».

⁵ Жених Эль М. Д. и невеста - Коген Б. Э. являются родителями Эль Давида Моисеевича, Почетного Главы караимов Украины.

⁶ В традиционной форме текста вместо «Сынов Священного Писания» - Бенэ Микра (самоназвания караимов) написано «Израиля».

⁷ В традиционной форме текста вместо «сыновья караимов» написано «сыны Израиля».

⁸ В традиционной форме текста вместо «дочери караимов» написано «дочери Израиля».

⁹ В традиционной форме текста вместо «шетары караимов» написано «шетары Израиля».

¹⁰ Эта часть называется «Шетар кеттубин».

¹¹ Текст написан на русском языке.

¹² Порядковый номер в книге регистрации браков при караимской кенасе Евпатории.

¹³ Стоимость вещи не указана.

¹⁴ Традиционная форма записи. Однако в одном рукописном, сильно поврежденном шетаре неустановленной даты и места вместо слов «из дома отца своего» написано «из дома брата почтенного и достойного Элиава».

¹⁵ Слово «рубель» в оригинале передано «гумуш» - серебро. Это название появляется в Крыму с началом хождения российских серебряных (целковых) рублей.

¹⁶ Подведение суммы относится к оценке драгоценных камней.

это одежда:¹ пальто - одна штука, костюм парусиновый - один, платье шерстяное - одно, кофта - шесть, шарф - три штуки, белье - четыре пары, юбка - две, чулки - четыре пары, обувь - четыре пары, скатерка - три, полотенце для лица - восемь, салфетка - две дюжины,² матрац - один, простыня - три, банная простыня - одна, одеяло марсеновое - два, подушка твердая - пять,³ подушка пуховая - три, подушка...⁴ восемь, носовой платок - шесть штук; ... - четыре; дорожка для стула - четыре; ...настенный - шесть; зеркало - одно; швейная машинка - одна; комод - один, сундук - один; самовар - один; кастрюля медная - одна; медный таз для белья - один; медный таз для теста - один; три сковороды медные; медный казан - один; один поднос; три блюда; ваза для сладостей - две; шесть кофейных чашек; шесть фруктовых ножей; шесть ножей столовых; шесть вилок; шесть фразе⁵ чайных ложек.

Все приданое девятьсот рублей.⁶

Все указанное выше приданое я получаю в сохранности, принимаю на себя ответственность и обязуюсь возратить моей жене это вовремя в период между жизнью ее и последующей смертью.

Законность рассмотренного дела подписываем:

Я, жених, Моше сын Давида Эль.

Я, невеста, Бикенеш Эльчафановна Коген.⁷

СВИДЕТЕЛИ:

Итро ю(ноша)⁸ сын Элия п.е.б., Коген.

Абрам сын Моше Леви Балакай.

Марк Рафаилович Киикчи.⁹

Моше сын Биньямина Кискачи.

Исаак сын Чадука Йэдыайлык.

Йаков сын Аарона-Шалома Фарумда.

Элийагу сын Мордехая Чавке.

Мордехай сын Симхи Шайтан.

Бэраха сын Якова Кара.

Элийагу Ага.

Йэгуда сын Симхи Балакай.

Яков бен Морхай¹⁰ Культе.

Аарон сын Элия Софэр¹¹ Бабович.

ДРУЖКИ:

Моше сын Мордехая Чавке.

Йегуда сын Моше Кырыми.

Благословение и освящение брачного договора¹² со всеми разъяснениями провел я, стоящий вместо главы мудрецов¹³ и Председателя суда¹⁴ Сынов Священного Писания в стране Россия, Старший газзан в общине святой Гозлувэ Бэрахья сын п.д. г(осподина) Саадья просвещенного, да благословит его Бог и хранит его,¹⁵ Ельяшевич.¹⁶

¹ Начало предложения написано на древнееврейском языке.

² В оригинале записано «дюжин».

³ Твердые подушки - йастык - укладывались вдоль стены на низенькие диваны или сундуки.

⁴ В тексте неразборчиво, на сгибе листа.

⁵ В оригинале записано «фраже».

⁶ Указана стоимость вещей, без драгоценностей. Далее по окончании договора записано на древнееврейском языке.

⁷ Написано на русском языке.

⁸ Записано аббревиатурой.

⁹ Написано на русском языке.

¹⁰ Распространенная у крымских караимов сокращенная форма библейского имени Мордехай. В XX веке этому имени соответствует Марк.

¹¹ Здесь слово «софэр» одинаково может обозначать профессию (переписчик) или составную часть фамилии.

¹² Написано «нисуин».

¹³ Эпитет «Рош хяхамим» - глава мудрецов - обычно носил Духовный глава караимов России. Во время вакансии эту должность исполнял старший газзан Евпаторийской Соборной кенасы, в данном случае Б. С. Ельяшевич.

¹⁴ На момент составления шетара должность «Рош хяхамим» как и «Ав бэт дин» (Председатель суда) носили чисто формальный характер.

¹⁵ Записано аббревиатурой.

¹⁶ Ельяшевич Борис Саадьевич (1881-1971) - караимский газзан в Симферополе и Евпатории, преподаватель Александровского Караимского Духовного Училища в Евпатории, хранитель караимской национальной библиотеки «Карай битиклиги».

Если у караимов мужчин имена были, в основном, библейские, даваемые во время обряда обрезания, то при наречении женских имен доминировала народная традиция. В рассмотренных шетарах встречаются следующие женские имена (не библейские): Акбике, Арзу, Биим(2), Бикенеш, Биче, Бубуш, Милька, Назлы, Султан, Тотеш.

Интересно отметить, что у караимов Крыма не употреблялось мужское имя Израиль. При консонантной записи этого слова один из возможных вариантов его прочтения звучит как Йашар Эль - прямой, правильный, честный Бог. Караимы считали, что человек, существо зачастую грешное, не может носить такое высокое имя.

Подводя итог краткому обзору коллекции караимских брачных договоров-шетаров в фондах МИЭКК, укажем на следующие моменты:

- все шетары были составлены в общинах, подведомственных Крымской епархии караимов, а именно Таврическому и Одесскому Караимскому Духовному Правлению, в коллекции нет образцов шетаров из общин Литвы и Польши;

- шетары охватывают хронологический период в 180 лет (1767-1947);

- все шетары датированы по принятой у караимов эре от Сотворения мира; в XX веке отмечается дублирование даты по христианскому летоисчислению;

- на рубеже XVIII - XIX вв. наблюдается смена композиционного решения: двускрижальное горизонтальное расположение первой и второй частей текста заменяется вертикальным;

- начиная с 40-х гг. XIX в., шетары составляются на типографских бланках;

- не позднее 1917 г. были отпечатаны новые (последние) образцы шетаров на древнееврейском и русском языках;

- последний шетар коллекции был составлен в Евпатории в 1947 г.

В заключение отметим, что прерванная традиция составления караимских брачных договоров была возобновлена в Евпатории в 2002 году.

В. З. Тирияки

**ХРАНИТЕЛЬ ТАЛИСМАНА ЖИЗНИ.
О СУДЬБЕ КАРАИМСКОГО ГАЗЗАНА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.
(окончание, начало в №№ 12-15)**

СИМФЕРОПОЛЬ

В изгнании Т. С. Леви-Бабович не прекратил исследовательскую деятельность. Он продолжал вести переписку по вопросам караимоведения с Б. Я. Кокенаем, И. Я. Нейманом, А. Я. Шишманом, А. А. Зайончковским и другими караимами, обмениваясь с ними интересными материалами. С 1930 года Т. С. Леви-Бабович вошел в переписку с А. М. Мордковичем, основавшим в 1931 году журнал на караимском языке «*Karaj avazy*» («Карай авазы», «Голос караима»). От Б. Я. Кокеная и А. Я. Шишмана Т. С. Леви-Бабович получал необходимые для его работы книги и рукописи, от А. А. Зайончковского из Вильны - номера «Караимской мысли». Вместе с тем Т. С. Леви-Бабович внимательно следил за выходом в свет журнала «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», авторитетного научного издания в Крыму. Продолжалась работа над статьей «Развитие календарного дела у караимов», к которой Т. С. Леви-Бабович привлекал все больше материалов, и в том числе переписку караимского астронома Ю. Д. Кокизова с Я. М. Кокенаем, отцом Б. Я. Кокеная. К началу 1931 года Т. С. Леви-Бабович составил караимский календарь на 5 лет с историческим предисловием. К этому времени им была написана статья о караимском поэте И. И. Эраке и статья «Крымчаки - это бывшие караимы». В 1930 году Т. С. Леви-Бабович занялся сбором и изучением караимских имен и фамилий, о чем сообщил в одном из писем Б. Я. Кокенаю: «Я теперь собираю караимские фамилии и имена и намерен заняться их изучением, т. к. полагаю, что в них заключается ключ к отгадке некоторых таинственных пунктов караимской истории. Имена и фамилии я собираю преимущественно не древнебиблейского корня».¹ Параллельно с Т. С. Леви-Бабовичем систематическим исследованием караимских антропонимов вот уже несколько лет занимался Илья Яковлевич Нейман (Круглевич) - будущий советский ученый и автор «Систематического указателя по караимской библиографии». С И. Я. Нейманом Т. С. Леви-Бабович встречался в Симферополе в октябре 1930 года, предоставив для его работы над

¹ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 03.07.1930//КБ. Фонд Б. Я. Кокеная. № 2608.

караимской библиографией свою библиотеку. Совместно с И. Я. Нейманом Т. С. Леви-Бабович планировал составление словаря караимских фамилий.

В Симферополе был написан самый большой труд Т. С. Леви-Бабовича - повесть «Мученик веры», которая была выслана им А. М. Мордковичу для издания в «Karaj avazy» или «Mysl karaimska». Здесь же «рибби Товия» приступил к работе над составлением словаря архаических слов крымского диалекта караимского языка. Работа эта началась почти одновременно с составлением словаря крымского диалекта, которым занимался Б. Я. Кокенай. Т. С. Леви-Бабович также не оставлял идею составления «Караимского сборника», на который возлагал большие надежды в плане просвещения караимов. Вот что он пишет по этому поводу Б. Я. Кокенаю: «Вы жалуетесь на тишину, царящую в нашей культурной жизни. Мы должны в этом отношении пенять и на себя, ибо при сильном желании могли бы что-либо сделать, ну хотя бы издать один сборник. И это было бы более продуктивным делом в смысле пробуждения спящей мысли наших братьев, чем статьи, разбросанные по разным журналам, которые подчас остаются даже неведомыми для той маленькой горсточки среди нас, которая кое-как интересуется вопросами культуры и которая не всецело попала в плен презренной материи».¹

Эти слова Т. С. Леви-Бабовича выдают в нем истинного интеллигента, человека, живущего не только личными интересами, но и интересами своего народа, возлагая на себя ответственность за его культурное развитие. Такие люди, как Т. С. Леви-Бабович, составляли в то время караимскую интеллигенцию, стоящую на страже национального культурного наследия. Невзирая на жизненные трудности и материальные лишения, они самоотверженно занимались изучением и сохранением культуры караимов, не редко жертвуя ради этого своим благополучием. Да они и не могли жить иначе. Вот небольшой эпизод, красноречиво характеризующий Т. С. Леви-Бабовича. Известно, что жил он очень бедно, но при этом если у него появлялся какой-то излишек, то он тратился на книги. Но бывало и так, что на книги тратилось самое необходимое. Осенью 1930 года, когда Т. С. Леви-Бабович жил уже в Симферополе, «один добрый человек» подарил ему 50 рублей, которые он потратил на покупку книги Генриха Греча «История евреев от древнейших времен до настоящего», самого авторитетного по тем временам труда по истории еврейского народа. По словам Т. С. Леви-Бабовича, он на каждом шагу чувствовал нехватку этой книги и готов был приобрести ее «хотя бы с риском голодать впоследствии».²

С введением в 1929 году карточной системы на хлеб, а затем и на все основные продукты, угроза голода для Т. С. Леви-Бабовича стала как никогда реальной. Будучи «лишенцем», он не получал продуктовых карточек и мог покупать продукты только на «вольном рынке» по очень высоким ценам. «Положение мое, - писал в это время Т. С. Леви-Бабович, - положение человека, все время варящегося в котле и если я продолжаю существовать и даже работать, так этим я обязан отчасти той моральной поддержке, какую оказывают мне некоторые благородные единицы из числа лучших сынов нашего народа».³ Действительно, без посторонней помощи выжить Т. С. Леви-Бабовичу в тех условиях, в которых он оказался, было бы очень сложно. Близкие и знакомые, зная нужду караимского газзана, оказывали ему не только моральную поддержку, но помогали деньгами и продуктами. Так, например, в мае 1930 года, узнав о том, что Т. С. Леви-Бабович не получал продуктовые карточки, русские караимы, проживающие на севере Крыма, прислали ему около 12 пудов сухарей.⁴

В первые месяцы жизни в Симферополе Т. С. Леви-Бабович часто писал о горькой участи изгнанника, а свое положение охарактеризовал на древнееврейском языке как «галут кэвэда вэмара» - «изгнание тяжкое и горькое». «...у меня настроение весьма скверное, вызываемое как тяжелыми моральными, так и материальными условиями жизни», - писал в октябре 1930 года.⁵ Изгнание Т. С. Леви-Бабовича произошло в разгар коллективизации - широкомасштабного переустройства сельского хозяйства в стране, начавшегося в 1929 году. Наиболее сильные темпы коллективизация набрала в феврале-марте 1930 года, что привело к продовольственному кризису и резкому скачку цен на продукты. «Вы говорите о дороговизне в Феодосии, - пишет Т. С. Леви-Бабович Б. Я. Кокенаю в марте 1931 года. - Здесь дело обстоит не лучше: кило хлеба доходит до 3,50 - 4 рублей. Это обстоятельство угрожает оборвать нить жизни у многих».⁶ Тяжелее всего приходилось Т. С. Леви-Бабовичу зимой, так как за отсутствием денег

¹ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 29.10.1930//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2608.

² Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 18.11.1930//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2608.

³ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 19.05.1930//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2608.

⁴ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 19.05.1930//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2608.

⁵ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 29.10.1930//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2608.

⁶ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 12.03.1930//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2611.

на топливо ему приходилось даже в сильные морозы жить в неотапливаемой комнате. «Я защищаюсь от холода по ночам тем, что натягиваю на себя два одеяла, - писал Т. С. Леви-Бабович в январе 1931 года, - и голову сворачиваю как буква «U» и сую под одеяло и обогреваюсь собственным теплом. Надежда, что в конце концов солнце одолеет зиму, как надежда на то, что в конце концов доброе начало победит злое начало, придает силы переносить холод жизни и терпеливо ожидать наступления теплых дней, «Бог мой! На тебя полагаюсь. Да не буду пристыжен, да не восторжествуют враги мои!».¹

После переезда в Симферополь перед Т. С. Леви-Бабовичем, освободившимся от службы в кенесе, встал вопрос о заработке. Но найти работу «лишенцу, перед которым были закрыты двери всех госучреждений, было практически невозможно. Когда Т. С. Леви-Бабовичу предложили устроиться на работу в Центральном государственном архиве Крымской АССР, он отказался по причине, указанной в письме: «За службу мне нельзя было ухватиться, так как не уверен, что предложившее мне службу лицо останется при первоначальном мнении на этот счет, когда узнает, что я «лишен права на огонь и воду»».² Б. Я. Кокенай одно за другим слал ему письма, в которых пытался найти выход из положения и помочь найти другую работу. В одном из писем он предложил Т. С. Леви-Бабовичу устроиться счетоводом в колхозе, на что тот ответил, что это можно сделать только с помощью влиятельного лица, который смог бы рекомендовать его с благоприятной стороны, но таких знакомств у него не было. «Вы пишете, что всегда думаете о моем положении. Я в этом никогда не сомневался, меня всегда трогает Ваше сочувствие ко мне, и я всегда был уверен, что Вы готовы сделать все возможное для облегчения моего положения. Но есть такие положения, где иногда всякая человеческая мудрость молчит. Есть такие узлы, которые также трудно развязать, как трудно было пророку Моисею рассечь воды Чермного моря».³

Положение осложнилось еще тем, что севастопольский газзан не желал устраиваться на работу, не связанную с его деятельностью, так как, по его словам, она бы отдаляла его от научных занятий. Поэтому предложения Б. Я. Кокенай освоить какое-нибудь востребованное ремесло, например, починку примусов, Т. С. Леви-Бабовичем были отклонены. Рибби Товия сознательно выбрал нищету, которая давала ему свободу, независимость и возможность целиком посвятить себя исследовательской работе. Благо, что в городе при «Центральном музее Тавриды» имелась библиотека «Гаврика», уникальное собрание литературы о Крыме, изданной в XVII-XX веках. Сюда Т. С. Леви-Бабович приходил каждый день к открытию в 11 часов утра и уходил с закрытием в 16.00. На этот раз предметом исследования стало собрание документов Крымского ханства, изданного историком В. В. Вельяминовым-Зерновым в Санкт-Петербурге в 1864 году под названием «Материалы для истории Крымского ханства». Собрание включало в себя 378 документов на крымскотатарском языке, отражающих историю взаимоотношения Крымского ханства с Россией, Литвой и Польшей. Внимание Т. С. Леви-Бабовича к этому источнику было привлечено, по его словам, «одним знакомым ученым»,⁴ который посоветовал ему заняться переводом. Ознакомившись с книгой, Т. С. Леви-Бабович с интересом взялся за работу, на которую намеревался потратить несколько лет. В конце января было переведено 14 документов, 10 в законченном виде, а 4 в черновом варианте, в апреле 1932 года - 24 документа. Т. С. Леви-Бабович жаловался, что работа идет очень медленно «из-за сквернейших условий жизни». О своей работе над переводом «Материалов» Т. С. Леви-Бабович писал так: «Приходится делать много исторических справок, что отнимает немало времени. Требуется глубокое знание многих предметов, как то: историю Крымского ханства, историю России, Потльши, Литвы, Турции, историю Донского и Запорожского казачества, хозяйственную жизнь этих стран и т. д., не говоря уже о том, что тут требуется знание Джагатайского языка с его архаизмами, арабского, персидского и иных языков».⁵

Зимой 1931-1932 годов к Т. С. Леви-Бабовичу неожиданно для него самого пришло поэтическое вдохновение. «Между прочим последнее время, как это ни странно, - пишет он в январе 1932 года А. Я. Шишману, - ко мне подкралась чародейка-муза, и я стал заниматься поэтическим творчеством. Между прочим и разные выпуклые эпизоды из моей общественной жизни находят свое отражение в этих моих произведениях, написанных на нашем разговорном языке».⁶ Это был не первый случай, когда рибби Товию посещала муза. Еще в декабре 1930 года он сочинил ряд загадок- «хидот» на древнеев-

¹ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 24.01.1931//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2611.

² Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 11.10.1931//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2611.

³ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 14.02.1933//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2654.

⁴ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 29.07.1930//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2611.

⁵ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 24.01.1931//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2611.

⁶ РО библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских. Ф. 143, д. 1538, л. 1 об.

рейском языке, в которых иносказательно были представлены все члены его семьи.¹ Появление таких загадок было, видимо, вызвано изгнанием и разлукой с родными, тоской по сыну, родным братьям, сестре и недавно умершей матери.

В Симферополе Т. С. Леви-Бабович продолжил работу над статьей «Развитие календарного дела у караимов». Он также не терял надежды на издание караимского календаря на 5 лет «с семью предисловиями». Рукопись календаря Т. С. Леви-Бабович послал А. М. Мордковичу и получил от него ответ с предложением издать календарь на караимском языке. «Относительно языка этой рукописи, - пишет Т. С. Леви-Бабович А. М. Мордковичу, - я с Вами спорить не стану. Лишь бы нить печатных календарей не была прервана, а там - на каком языке календарь будет издан, это, по-моему, второстепенный вопрос. Во всяком случае, на каком бы языке он ни был издан, язык не может обнять караимов всего мира, разговаривающих в разных странах на разных языках, но что не в состоянии сделать язык, сделает внутреннее содержание произведения».² Но пока календарь не был издан, Т. С. Леви-Бабович составлял рукописные календари на 1931-1932 год и рассылал их своим знакомым. В марте 1931 года Т. С. Леви-Бабович получил первый номер журнала «Карай авазы». В 1931 и 1932 годах в этом журнале будут напечатаны три его статьи: «Уйган карув» («Умный ответ»), «Хаджилыгъы» Къырымдахи Карайларнын» («Паломничество» крымских караимов») и «Сондрахы сыра» («Последняя песня»).

1929-1932 года - время раздела караимской национальной библиотеки «Карай битиклиги». Т. С. Леви-Бабович внимательно следил за событиями в Евпатории, Ленинграде и Москве, трех городах, претендовавших на библиотеку. Он был категорически против вывоза рукописного отдела «Карай битиклиги» в Ленинград и поэтому осуждал совместные действия П. Я. Чепуриной и Б. С. Ельяшевича, добивавшихся этого в целях безопасности библиотеки.

Письма, написанные Т. С. Леви-Бабовичем Б. Я. Кокенаю в 1932 году, наполнены рассуждениями о добре и зле, о природе человека и тщетности бытия. Несмотря на пессимистический тон писем, в них просвечивается луч надежды на человека, способного превзойти самого себя и выйти победителем в самых тяжелых обстоятельствах. «Такова уже натура человеческая, - пишет Т. С. Леви-Бабович после упоминания эпизода из Нового Завета о предсказании Иисусом Христом предательства Петра, - и требуются чрезмерные, героические усилия для того, чтобы подняться над нею. Не думайте, дорогой Борис Яковлевич, что я здесь делаю какие-либо намеки, только я с болью в душе констатирую всю нашу слабость, все бессилие, присущее природе человека, который мнит себя венцом творений и больше ничего. Да наконец могут быть такие форсмажорные условия, которые не могут быть одолены никакими человеческими силами».³ Видимо, Товий Симович под давлением внешних обстоятельств переживал в этот год глубокий душевный кризис. Не имея ни работы, ни дома, ни семьи, ни средств к существованию, он жил в это время исключительно научной работой. Лишонец, изгой, изгнанник. Вдобавок ко всему ранней весной 1932 года Т. С. Леви-Бабович заболел сначала гриппом, а потом и бронхитом, чуть не приведшим его к гибели: «Я заболел гриппом, который перенес на ногах, ибо некому нянчиться со мной, а затем у себя в углу моем на постели получил бронхит, ибо постель моя была не только холодная, но и сырая, так как комната, где я живу, ни разу не отапливалась в течение всей зимы, и стены ее были покрыты каплями, как это бывает в стенах бани, и я чуть не погиб. Спасибо знакомым моим, у которых я бываю; они не отпустили меня домой и оставили ночевать у себя, пока я не выздоровел».⁴

О том, насколько бедно жил Т. С. Леви-Бабович в 1932 году, можно судить из того факта, что в апреле Б. Я. Кокенай из Ростова-на-Дону прислал ему 10 фунтов «ун» (муки). На этот раз бывший севастопольский газзан, с благодарностью принимая дар, уже не говорил о чрезмерной и излишней заботе о нем, как это он делал раньше, когда получал подарки продуктами. Не оставляла в беде Т. С. Леви-Бабовича и чета Шишманов, Абрам Яковлевич и Зинаида Иосифовна, присылая ему посылки с продуктами и вещами. В одном из писем А. Я. Шишману вместе со словами благодарности Т. С. Леви-Бабович пишет следующее: «Не будь научной работы, которая несколько осмысляет жизнь в моих глазах, да письма моих друзей, которые время от времени вносят луч радости в окошко моего тесного, темного и холодного угла, похожего на тюрьму, а главное, не будь нашей вечной утешительницы (то есть Торы - В. Е.) я бы уже погиб совсем, и я могу повторить с псалмопевцем: «если бы не Тора Твоя - отрада моя, пропал бы я в бедствии моем»».⁵ К концу ноября Т. С. Леви-Бабович уже писал, что

¹Йосеф Эльгамиль. Пирке Товия. Часть 2. С. 409-424.

²Там же, 1 лиц.

³Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 18.01.1932//КБ. Фонд Б. Я. Кокеная. № 2632.

⁴Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 18.01.1932//КБ. Фонд Б. Я. Кокеная. № 2632.

⁵РО библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских. Ф. 143, д. 1538, л. 1 об.

его положение становится катастрофическим, так как в связи с арестом пекарей хлеб с вольного рынка исчез. «Из-под полы продают, но цены недоступные», - писал он в ноябре Б. Я. Кокенаю.¹

В мае 1932 года Т. С. Леви-Бабович «случайно» взялся за биографию Исаака бен Шеломо эль-Дор (1755-1826), выдающегося караимского ученого, прадеда Б. Я. Кокеная, который оказал ему содействие в этой работе. В сентябре биография была написана во второй редакции, и Т. С. Леви-Бабович намеревался отправить ее на проверку в Ростов-на-Дону. Еще в начале работы Т. С. Леви-Бабович писал, что биография, которую он пишет, ему нравится. В начале лета Т. С. Леви-Бабович приступил к переводу на русский язык «Дивана» караимского поэта IX века Моше Дераи, написанный на древнееврейском и арабском языках. Он давно уже проявлял интерес к этому сочинению и в 1925 году сделал перевод нескольких отрывков из него, написанных на арабском языке. По словам Т. С. Леви-Бабовича, он не владел рифмой в русском языке и потому переводил «Диван» в прозе и только отдельные места в стихотворной форме на караимском языке. Одновременно с этим он писал биографию поэта, которую послал в Луцк А. М. Мардковичу для публикации в журнале «Карай авазы». Биография была опубликована в этом же году, но без указания авторства Т. С. Леви-Бабовича. Сначала биография была краткой и служила лишь предисловием к переводу «Дивана», но со временем сильно разрослась и в феврале 1933 года была уже настолько объемной, что Т. С. Леви-Бабович подумывал об издании ее отдельной брошюрой. В 1932 году Т. С. Леви-Бабовичем была написана статья «К вопросу о реформах в области караимского Богослужения». Продолжалась работа над переводом «Материалов».

В январе 1932 года Т. С. Леви-Бабович выслал Б. Я. Кокенаю стихотворный пересказ на караимском языке легенды «Ага Думпа». К сожалению, этот интересный и редкий письменный источник, передающий устное предание караимов Феодосии, в архиве Б. Я. Кокеная в «Карай битиклиги» не был обнаружен. Он известен нам через прозаический пересказ на русском языке, сделанный Б. Я. Кокенаем по рукописи, присланной Т. С. Леви-Бабовичем. Этот пересказ и вошел в последующие сборники караимского фольклора, издаваемые в начале XX века. В нескольких письмах Т. С. Леви-Бабович обсуждал с Б. Я. Кокенаем возможное время, в которое происходили действия легенды, но за отсутствием каких-либо уточняющих хронологических ориентиров они так и не пришли к определенному выводу.

Вместе с Б. Я. Кокенаем Т. С. Леви-Бабович обсуждал возможность поселения в Чуфут-Кале с разведением там огородничества, пчеловодства и других хозяйств. Эта идея принадлежала Б. Я. Кокенаю, но Т. С. Леви-Бабович и сам давно мечтал о переезде на постоянное место жительства в древний караимский город. Однако с осуществлением этой идеи все было не так просто. «Но тем не менее избрать Кале местом, если не постоянного жительства, то местом ежегодного продолжительного там пребывания - это было моей давнишней мечтой, - писал Т. С. Леви-Бабович. - Эту мечту я считаю неосуществимой для меня при современных условиях, даже если бы мне теперь была предложена должность смотрителя в Кале. Занимая должность смотрителя, я должен был бы служить рупором для звуков, которые будут постоянно царапать мою душу. Это будет самой жестокой из пыток, каким я только могу быть подвержен».²

К 1933 году положение Т. С. Леви-Бабовича стало критическим, он уже не только едва сводил концы с концами, но и был на грани голодной смерти. В письме в Каир Мураду Фаррагу он пишет: «Я в чужом городе, чуть не умираю от голода. И если бы не помощь моих собратьев из разных уголков мира, уважающих мой труд на пользу нашего народа, то я бы уже умер».³ Письма в Каир своему другу Мураду Фаррагу Т. С. Леви-Бабович слал постоянно со времени своего изгнания, но, по его собственным словам, они не доходили до адресата. В это время вся страна переживала тяжелые времена. В результате насильственной коллективизации наиболее трудоспособная часть крестьянства либо бежала в города, либо была выселена в отдаленные районы страны. Как следствие этому зимой 1932 года в стране начался сильнейший голод, унесший миллионы человеческих жизней. В декабре этого года вышло постановление о всеобщей паспортизации, основной целью которой была разгрузка переполненных бежавшими крестьянами городов. В ходе паспортизации были установлены режимные зоны, в пределах которых запрещалось выдавать паспорта и проживать неблагонадежным с точки зрения Советской власти лицам. Конечно, «лишенцы» одни из самых первых попадали под удар, оказавшись в режимной зоне, они подлежали немедленному выселению. Поскольку режимные зоны были определены не сразу,

¹ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 24.11.1932//КБ. Фонд Б. Я. Кокеная. № 2632.

² Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 23.05.1932//КБ. Фонд Б. Я. Кокеная. № 2632.

³ Й. Эльгамиль. Гахам Товия Сима Леви-Бабович - последний гахам караимской общины Египта//Murad al-Qudsi. Just for the Record in the History of the Karaite Jews of Egypt in Modern Times. Lyons, N. Y. 2002. P. 39.

а постепенно, в ходе паспортизации, Т. С. Леви-Бабович долгое время пребывал в неведении относительно своей участи, но готовился к самому худшему - к высылке в Сибирь. «Боюсь, что мне придется выехать на жительство в холодные края и коротать свою жизнь на чужбине, - пишет он Б. Я. Кокенаю в феврале 1933 года, - где нет ни знакомых, ни друзей и ни единой родной души, и где или глад, или хлад меня погубит, ибо я не переношу не только голода, но и холода, будь то физический холод или душевный холод».¹ Т. С. Леви-Бабович был в отчаянии. Он то собирался ехать к А. Я. Шишману, то писал письмо в Ленинград доктору Абраму Моисеевичу Брамсону, предлагая себя в качестве работника в библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ответ доктора А. М. Брамсона был отрицательным, в котором говорилось, что «существует определенное законодательство о лишенцах и только им приходится оперировать... в Ленинграде ничего в Вашу пользу сделано быть не может».² Т. С. Леви-Бабовичем также рассматривался переезд в Чуфут-Кале в связи с восстановлением его в избирательных правах, так как, по его словам, на это давало право 5 лет общественно-полезной работы, под которой он подразумевал трудовую деятельность в Чуфут-Кале. И наконец, Т. С. Леви-Бабович снова пишет письмо своему другу Мураду Фаррагу в Каир...

По имеющимся у нас обрывочным сведениям сложно восстановить цепь событий, которые привели к избранию Т. С. Леви-Бабовича в должность «хахам акбар» (Глава Духовного Правления в Египте), но мы все же попытаемся сделать, проанализировав и сведя воедино разрозненные источники. Вероятно, узнав из письма Т. С. Леви-Бабовича о его бедственном положении, Мурад Фарраг посоветовал ему обратиться в Духовное Правление Каира и предложить себя в качестве учителя. Возможно, Мурад Фарраг сообщил также Т. С. Леви-Бабовичу о тяжелой болезни пожилого хахам акбар Авраама Когена, в случае смерти которого он мог бы занять его место. Во всяком случае, доподлинно известно, что именно Мурад Фарраг был инициатором вызова Т. С. Леви-Бабовича и какое-то время выступал посредником между ним и Духовным Правлением в Каире. По сведениям Йосефа Эльгамиля, в феврале 1933 года Т. С. Леви-Бабович написал письмо в Каир, в котором предложил себя в качестве главы общины и учителя, и 21 марта на заседании Духовного Правления эта просьба была рассмотрена и удовлетворена. В то же время в нашем распоряжении имеется письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю от 22 февраля, в самом начале которого написано следующее: «Получил письмо из Каира: тамошняя община просит меня быть учителем в тамошней общественной школе по караимским предметам, а также митпаллелем».³ Письмо из Каира было написано уполномоченным караимской общины и членом Духовного Правления Иосифом бен Авраамом Марзуком, который и в дальнейшем будет вести переписку с Т. С. Леви-Бабовичем. Из этого письма следует, что уже в феврале Духовное Правление приняло решение пригласить Т. С. Леви-Бабовича на должность учителя и митпаллеля. Заметим, что о приглашении на должность гахам акбар в письме речи не шло, и это понятно, потому что занимающий эту должность Авраам Коген в то время был еще жив. О том, как развивались события дальше, нам известно больше, поскольку Т. С. Леви-Бабович подробно информировал Б. Я. Кокенаю о ходе своей переписки с Каиром, которую держал от других в тайне. О том, что Т. С. Леви-Бабович переписывался с каирскими караимами по вопросу о его переезде в Египет, долгое время знал только Б. Я. Кокенаю. Лишь к 1934 году эта новость уже стала достоянием караимской общественности.

22 февраля Т. С. Леви-Бабович написал сразу два письма: одно Иосифу бен Аврааму Марзуку, в котором дал свое принципиальное согласие; другое - Б. Я. Кокенаю, в котором сообщил ему о письме из Каира. Т. С. Леви-Бабович планировал выехать в Египет только на время, хотя и догадывался, что, скорее всего обратно уже не вернется. С этого времени все происходящее в жизни Т. С. Леви-Бабовича рассматривалось им уже в свете предстоящего переезда. Первые письма, написанные Б. Я. Кокенаю после вести из Египта, были исключительно об этом. Также и в дальнейшем в каждом письме он сообщал о ходе своей переписки с Иосифом бен Авраамом Марзуком, которая велась на древнееврейском языке. «Как мне не должно хотеться покинуть пределы родного Крыма, - писал он Б. Я. Кокенаю, - где протекла вся моя жизнь от колыбели и где я надеялся и продолжаю надеяться найти могилу у ног праха моих родителей - в определенный для меня день. Но не столько обстоятельства моей жизни, как бы они для меня ни были невыносимы, принуждают меня покинуть (надеюсь на время) родные пределы, сколько желание иметь жизнь, при которой можно было вести ту научную работу в области караимских знаний и истории, в которой я усматриваю смысл и задачу моей жизни и для которой не дают мне

¹ Письмо Т. С. Леви-Бабовича, 14.02.1933//КБ. Фонд Б. Я. Кокенаю. № 2654.

² Там же.

³ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 22.02.1933//КБ. Фонд Б. Я. Кокенаю. № 2654.

возможности упомянутые обстоятельства».¹ Переезд в Египет хоть и отрывал Т. С. Леви-Бабовича от его родной земли, от близких и знакомых людей, но зато давал надежду на осуществление его давней мечты - создать караимскую школу, в которой он мог бы передать свои знания младшим поколениям. «Об этой школе, - писал он, - не перестану я мечтать до конца своей жизни и счастливым днем моей жизни был бы день, когда осуществилась бы эта мечта моя».²

Первым делом после получения письма из Каира Т. С. Леви-Бабович начал наводить справки о возможных путях выезда за границу. Он посетил иностранный стол, где ему сообщили, что в случае выезда на постоянное место жительства потребуются большие деньги, а в случае временного выезда нужно будет заплатить в Госбанк 340 рублей золотом. В иностранном столе у Т. С. Леви-Бабовича спросили, почему он хочет быть учителем в Каире, на что он ответил, что он «лишенец» и не может здесь работать учителем и что если бы ему это позволили, то он бы никуда не уезжал. Предвидя бюрократические сложности, Т. С. Леви-Бабович написал письмо в акционерное общество «Интурист», ближайшее отделение которого находилось в Ялте. В нем он запрашивал о том, может ли «Интурист» взять на себя всю процедуру по выезду за границу. В марте Т. С. Леви-Бабовичу пришел из «Интуриста» ответ, в котором сообщалось, что ему необходимо отправить по почте свой паспорт для высылки из Египта визы и просить перевести на «Интурист» 1300 рублей золотом либо другой валютой, равняющейся этой сумме, вместе с деньгами на дорогу. Со своей стороны «Интурист» обязывался выдать Т. С. Леви-Бабовичу заграничный паспорт СССР. Этот ответ огорчил Т. С. Леви-Бабовича по двум причинам. Во-первых, требовалась значительная сумма, которую он не мог достать и не знал, согласится ли каирская община на такие расходы. Во-вторых, «Интурист» не брал на себя никаких обязательств, кроме выдачи заграничного паспорта, а это значило, что всю процедуру по переезду Т. С. Леви-Бабович должен был взять на себя. «Вследствие этого, - писал Т. С. Леви-Бабович, - и разных других соображений мне кажется, что кольцо на моей шее остается суженным, как и было раньше».³

В марте-апреле письма из Каира, по словам Т. С. Леви-Бабовича, приходили «одно за другим», в которых ему предлагали доехать до Одессы, сесть на пароход и приплыть в Каир. Т. С. Леви-Бабович удивлялся наивности каирских караимов и досадовал на то, что они со своей стороны не предпринимают никаких шагов. Видимо, в Египте плохо представляли себе ситуацию в Советском Союзе и положение самого Т. С. Леви-Бабовича. Он писал в Каир, что на переезд потребуется около 2000 рублей золотом, но на это ему отвечали, что в Одессу из Каира было отправлено на имя «Интуриста» 30 фунтов стерлингов, которых вполне достаточно. Т. С. Леви-Бабович пребывал в растерянности и не знал, чем закончится все это дело. В мае он узнал, что Симферополь не входит в режимную зону, и опасность быть выселенным миновала.

В мае-июне писем из Каира не было, и Т. С. Леви-Бабович ожидал их «с нетерпением», желая узнать, на каком решении остановилась каирская община. 6 мая в Каире на 73-м году жизни скончался гахам акбар Авраам Коген, и временно его должность занял Иосиф бен Авраам Марзук. Видимо, с этого времени встал вопрос о приглашении Т. С. Леви-Бабовича на должность «гахам акбар». Известно, что на решение этого вопроса повлиял Гахам польских караимов С. М. Шапшал, поддержавший кандидатуру Т. С. Леви-Бабовича.⁴ В июне Т. С. Леви-Бабович получил неожиданное письмо из Поневежа от неизвестного ему Рафаэля Григулевича, в котором тот сообщал, что получил от некоего историка анкету с вопросами о караимах и караимизме и просил Т. С. Леви-Бабовича заполнить ее. Т. С. Леви-Бабович согласился, считая себя способным ответить на все вопросы, тем более, что многие ответы находились в его трудах. В июне от Р. Григулевича снова пришло письмо. На этот раз он представился как глава «Союза Поневежской караимской молодежи» и предложил Т. С. Леви-Бабовичу сотрудничество в написании всеобщей караимской истории.⁵

Переписка с Каиром возобновилась в июле месяце, но никаких конкретных действий по переезду Т. С. Леви-Бабовича египетские караимы в это время не предпринимали. Только в письме от 3 ноября Т. С. Леви-Бабовичу было сообщено из Каира, что все необходимые деньги уплачены «Интуристу» в Москве. Извещение от «Интуриста», в котором сообщалось, что деньги на оплату заграничного паспорта (550 рублей золотом) и дорогу в Каир получены, пришло к Т. С. Леви-Бабовичу в начале декабря.

¹ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 13.03.1933//КБ. Фонд Б. Я. Кокеная. № 2654.

² Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 13.03.1933//КБ. Фонд Б. Я. Кокеная. № 2654.

³ Там же.

⁴ Из жизни караимов за границей//Караимская мысль. Вильно. 1936. С. 120.

⁵ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 26.06.1933//КБ. Фонд Б. Я. Кокеная. № 2654.

После этого от «Интуриста» пришло еще два письма: одно с опросным листом, который Т. С. Леви-Бабовичу необходимо было заполнить; другое - с регистрационной карточкой, составленной на основе опросного листа, которую надо было предоставить в местный иностранный стол. Наконец-то дело пошло. Т. С. Леви-Бабович стал готовиться к отъезду из родного Крыма, где у него оставались близкие, братья Илья и Марк, сестра Анна и сын Виктор, и библиотека с личным архивом, которые он не мог взять с собой. Как долго пробудет Т. С. Леви-Бабович в Египте, никто тогда и не знал и не мог даже предположить, но все понимали, что разлука будет долгой. Хотя Т. С. Леви-Бабович и строил планы по педагогической и просветительской деятельности в Каире, уезжал он с тяжелым камнем на душе, так как вместе с родиной приходилось прерывать всю ту научно-исследовательскую деятельность, которую он вел на протяжении многих лет и которая имела крепкие корни именно в России и Крыму. Также Т. С. Леви-Бабовича беспокоила судьба его неоконченных сочинений, над которыми он работал не один год, таких как «Караимы по данным истории и археологии» и «Обработка караимских фамилий», а также недавно начатого им биографического очерка первого караимского гахама Симхи Соломоновича Бабовича, для которого, по его словам, «накопилось изрядное количество материала». ¹ Естественно, что весь этот материал приходилось оставлять в Крыму, вместе с библиотеками, архивами и личными связями. Единственным утешением для Т. С. Леви-Бабовича было то, что в России у него оставался преемник, который мог достойно продолжить его дело - его бывший ученик Борис Яковлевич Кокенай, который также занимался сохранением караимских культурных ценностей и в последние годы работал над составлением караимско-русского словаря. В ответ на обещание Б. Я. Кокенай прислать ему свою фотографию, Т. С. Леви-Бабович пишет, что хорошо послать ее тогда, когда он будет уже в Каире. «Там я имел бы право сообщить нашим братьям, - пишет Т. С. Леви-Бабович, - что здесь моим заместителем остались Вы, который с достоинством будет продолжать здесь то дело, которому посвящена вся моя жизнь, и в этом я найду некоторое успокоение для моей совести, которая может призвать меня к ответственности за то, что я покидаю родную среду, которую я всегда старался направлять по пути, узканному нашими древними традициями...».²

В марте 1934 года Т. С. Леви-Бабович получил разрешение на выезд за границу. Правда, вышла некоторая заминка с заграничным паспортом, так как оказалось, что за него надо было заплатить не 550 рублей золотом, а 1100 рублей золотом, в два раза больше. В том, что египетские караимы прислали только половину суммы, по мнению Т. С. Леви-Бабовича, виноват был «Интурист», не сообщивший всей суммы сразу. Общая сумма, которая была потрачена на переезд Т. С. Леви-Бабовича, составила 2600 рублей золотом - немалые в то время деньги. Еще два месяца пришлось подождать для того, чтобы уладился этот вопрос, и в июне 1934 года Т. С. Леви-Бабович покинул родные края. 10 июня на пароходе «Франц Меринг» он отбыл из Одессы в Стамбул. Интересно, что на этом же пароходе в Палестину перевозился гроб врача Леона Пинскера, сына еврейского ученого, составившего антологию средневековой караимской литературы под названием «Ликуте кадмониот». Во время пути Т. С. Леви-Бабович благодаря знанию нескольких языков пользовался всеобщим уважением среди пассажиров и служил между ними переводчиком. 15 июня Т. С. Леви-Бабович прибыл в Пирей и затем 20 июня в Яффу. Здесь Т. С. Леви-Бабович был предупрежден Иосифом бен Авраамом Марзуком о том, что англичане не выпустят его в Порт-Саиде и ему придется возвращаться в Одессу. Поэтому в Яффе Т. С. Леви-Бабович высадился на берег, чтобы продолжить свой путь по суше. На пристани его встретил газзан кенасы Анана бен Давида Ильяго Массуда, вместе с которым Т. С. Леви-Бабович осмотрел город. После осмотра Яффы поехали в Иерусалим, где обедали в доме Ильи бен Авраама Синани, а на ночь остановились в гостинице. В Иерусалиме, в древней караимской кенасе Т. С. Леви-Бабович дважды прочитал бераха о здравии своей семьи и всего народа, осмотрел стены храма Соломона (Стена Плача) и посетил караимское кладбище, на котором прочитал зехер. Так, благодаря обстоятельствам, вынудившим Т. С. Леви-Бабовича высадиться в Яффе, он стал паломником-хаджи. По мнению израильского исследователя Йосефа Эльгамия, автора биографического труда о каирском периоде в жизни Т. С. Леви-Бабовича «Пирке Товия», он был высажен в Яффе по заранее составленному плану с целью узнать обстановку в караимской общине Иерусалима. Утром 21 июня Т. С. Леви-Бабович выехал из Иерусалима и уже к 10 часам вечера прибыл на вокзал Каира.³

¹ Письмо Т. С. Леви-Бабовича Б. Я. Кокенаю, 12.12.1933//КБ. Фонд Б. Я. Кокенай. № 2654.

² Там же.

³ Евгений Баккал, Олег Белый. Некоторые исторические документы из архива караимского просветителя Давида Марковича Гумуша (1899-1980)//Материалы двадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Москва. 2005. С. 62-64.

КАИР.

Рассказ о жизни Т. С. Леви-Бабовича в Советской России будет неполным без описания его первых дней в Каире, где он окупился в совершенно другую обстановку, нежели та, которая окружала его в Крыму. В Каире Т. С. Леви-Бабовича уже давно ожидали и устроили ему торжественный прием. На вокзале он был встречен всем обществом и под общие аплодисменты доставлен в кенасу, которая, несмотря на поздний час, была открыта и заполнена людьми. Здесь были произнесены речи, и в том числе речь самого Т. С. Леви-Бабовича, которая переводилась на арабский и французский языки. После молитвы Т. С. Леви-Бабовича отвезли в дом Иосифа бен Авраама Марзука, в котором он остановился до тех пор пока ему не нашли квартиры. Не стоит думать, что каирские караимы не позаботились заранее о жилье для Т. С. леви-Бабовича - нет, они хотели, чтобы он сам выбрал удобную для себя квартиру. После недолгих поисков в начале июля караимская община сняла для него квартиру в 5-6 комнат со всеми удобствами (в том числе с ванной), и с прислугой. Квартира находилась рядом с «великолепно построенной» кенасой Моше Дераи на улице Абассия. Это была одна из двух караимских кенас в Каире, построенная совсем недавно, в 1932 году. Церемония освящения в ней еще не проводилась, так как для этого ждали приезда Т. С. Леви-Бабовича.

22 июня Т. С. Леви-Бабович посетил «Хахам-Ханэ» (Духовное Правление), откуда он отправил телеграмму на родину. 2 июля в «Хахам-Ханэ» поприветствовать Т. С. Леви-Бабовича пришел Паша Йосеф Арслан Катави, президент иудейского общества сефардов в Египте. В этот же день Т. С. Леви-Бабович посетил «Бет га-сефер» (училище), где его встречали «с песнопениями и цветами». В училище он отметил плохое знание учениками грамматики древнееврейского языка и сплоченность на национальной и религиозной почве. Вскоре в этом училище, в котором обучалось около 300 учеников и учениц, он будет давать уроки древнееврейского языка. Фактически с первых дней Т. С. Леви-Бабович вступил в обязанности гахам акбар. Уже 5 июля во главе с выборными-«мангигами» общины он разбирал в «Хахам-Ханэ» два семейных дела. Богослужения Т. С. Леви-Бабович проводил сразу в двух кенасах: одну субботу в одной, другую субботу - в другой. В первые же дни в Каире Т. С. Леви-Бабович ввел некоторые изменения во внутренней жизни общины. Он запретил разговаривать и переходить с места на место в кенасе во время богослужения и распорядился, чтобы в метрические книги записывали родившихся девочек так же, как и мальчиков, чего до него не делали. Об этом было объявлено в кенасе еще 30 июня.¹

Так началась новая жизнь Т. С. Леви-Бабовича в чужой стране, где он встретил самый радушный прием, нашел почет и уважение и признание своих способностей. И навсегда закончилась жизнь на родной крымской земле, где его гнали и притесняли и где ему пришлось пройти множество испытаний.

В. А. Ельяшевич.

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЯ КАРАИМСКОГО КЛАДБИЩА БЛИЗ ЧУФУТ-КАЛЕ.

На разговорном языке крымских караимов кладбище называлось словом древнееврейского происхождения «кеварот» (от корня «кевер» - могила), которое буквально переводится как «могилы».² Такое название появилось вследствие выпадения первой части сложного двусоставного слова «бет-кеварот» (буквально «дом могил»), что в переводе с древнееврейского языка означает «кладбище». Подобное явление можно наблюдать также в случае со словом «мидраш», появившимся вследствие выпадения первой части сложного двусоставного слова «бет-мидраш», и слова «кенаса», от слова «бет-кнесет». Слово «кеварот» встречается в текстах разного содержания, написанных на разговорном тюркском языке караимов, как в официальной, так и в частной переписке, и поэтому у нас нет оснований сомневаться в том, что именно так называли караимы свои кладбища. В литературном древнееврейском языке караимами использовался полный вариант «бет-кеварот», а также «бет-олам» - «дом вечности».

¹ Письма Т. С. Леви-Бабовича (машинописная рукопись)//КБ. Коллекция Д. М. Гумуша; Евгений Баккал, Олег Белый. Некоторые исторические документы из архива караимского просветителя Давида Марковича Гумуша (1899-1980)// Материалы двенадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Москва. 2005. С. 62-64; Кокенай Б. Я. Записки по этнографии караимов Крыма (машинописная рукопись)//КБ. Коллекция Б. Я. Кокенай. С. 25.

² От этого корня происходит термин «кабар» - специально назначенный человек, готовивший покойника к погребению («кевура»).

Единственное кладбище, которое получило собственное имя по названию долины, в которой оно находилось, - это кладбище близ Чуфут-Кале. Впервые название этого кладбища встречается в книге немецкого и русского ученого-энциклопедиста Петра Симона Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства», посетившего Чуфут-Кале в 1794 году. «Эта маленькая Иософатова долина - *Dieses kleine Thal Josaphats*» - так говорит ученый о караимском кладбище.¹ Далее название Иософатова долина встречается в воспоминаниях путешественников, посещавших в разное время Чуфут-Кале: в книге Эвенезера Гендерсона «Библейские разыскания и странствия по России» (1826), Н. Н. Мурзакевича «Поездка в Крым в 1836 году», Дюбуа де Монпере Фредерика «Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым» (1837), А. Н. Демидова «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию» (1853), и так далее. Во всех этих произведениях название Иософатова долина применяется одновременно и к долине, и к кладбищу. Например, Э. Гендерсон пишет: «Мы спустились в Иософатову долину, караимское кладбище, уединенное место, заросшее высокими деревьями...».

В то же время во внутриобщинной караимской переписке первой половины XIX века название Иософатова долина, по крайней мере, по отношению к кладбищу, как ни странно, не применялось. Ярким примером тому может служить речь А. С. Фирковича о результатах и пользе своих исследований караимских некрополей, произнесенная перед караимской общиной Евпатории в 1849 году.² В этой речи А. С. Фиркович неоднократно упоминает кладбище Чуфут-Кале, которое он каждый раз называет «Кале кеварот». Другим примером может служить рапорт А. С. Фирковича в таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление, написанный на разговорном караимском языке в 1863 году, в котором о кладбище Чуфут-Кале говорится просто как о «Калеле кеварот» (буквально «кладбище в Кале»).³ Название Иософатова долина А. С. Фиркович станет использовать позже в своей книге «Авнэ зиккарон», изданной в 1872 году.

Впервые в караимской литературе название Иософатова долина появляется в книге С. А. Бейма «Память о Чуфут-Кале» (1862). Значительная часть этого сочинения посвящена описанию достопримечательностей Чуфут-Кале и его окрестностей, и в главе «Окрестности Чуфут-Кале» дается описание, в том числе и долины под названием Иософатова долина, «составляющей караимское кладбище». Здесь же мы находим объяснение этому названию: «Она (*долина - В. Е.*) названа так Караимами по имени Иософатовой долины в Иерусалиме в память похороненной семьи, вышедшей из Иерусалима». Иософатова, или Кедронская долина находится в окрестностях Иерусалима между Храмовой и Масличной горой и известна сохранившимися в ней гробницами иудейских царей Авессалом и Иософата и пророка Захарии. Вероятно, по гробнице одного из них, праведного царя Иудеи Иософата (Йегошафата), правившего в IX веке, долина и получила свое название (упоминается в ТаНаХе, в книге пророка Иоила, 3:2-12). В Иософатовой долине по свидетельству А. С. Фирковича у подножия Храмовой горы находилось караимское кладбище и могила самого Анана бен Давида.⁴ Мы знаем, что караимские общины Крыма всегда поддерживали связь с караимской общиной Иерусалима, и в истории известны случаи, когда караимы из Крыма переселялись в Иерусалим и, наоборот, из Иерусалима в Крым. Ввиду этого объяснение С. А. Бейма, почему долина близ Чуфут-Кале названа именем долины близ Иерусалима, выглядит вполне правдоподобным и убедительным.

Во времена С. А. Бейма, который прожил в Чуфут-Кале с 1842 по 1860 год, название Иософатова долина, вероятно, имело локальный характер и было известно только тем, кто жил в этом городе. Об этом нам говорит сохранившийся черновик письма из Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления 1860 года, адресованного С. А. Бейму, в котором, между прочим, его спрашивают: «Это место Иософатовой долиной им называемое, в котором почивают почетные и ученые старейшины. Если Караимское кладбище, то почему и кем дано ему это название?»⁵ Из содержания этого вопроса следует то, что в одном из писем в Духовное Правление С. А. Бейм написал о кладбище Иософатова долина, в котором похоронены почтенные ученые мужи, используя, вероятно, это название по привычке как житель Чуфут-Кале, но не был понят в Евпатории, где от него потребовали объяснения.

¹ P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen statthalterschaften des russischen Reichs in den jahren 1793 und 1794. Leipzig. 1801. S. 35.

² Архив Севастопольской ассоциации крымских караимов «Фидан», фонд Д. М. Гумуша.

³ ГАРК, ф. 241, оп. 1, д. 1667, л. 2-3.

⁴ Фиркович А. С. Паломничество. 1830/1831. С. 6 (перевод с караимского языка Б. Я. Кокеная, неизданное).

⁵ ГАРК, ф. 241, оп. 1, д. 9, л. 25.

Спустя время название Иософатова долина перестает быть местечковым и входит в широкое употребление у караимов разных городов. Это название встречается во всех произведениях караимских авторов, в которых упоминается Чуфут-Кале и его кладбище: «Авнэ зиккарон» А. С. Фирковича, «Караимы и Чуфут-Кале в Крыму» С. М. Шапшала (1896), «Караимы. Краткий исторический очерк» Ю. Д. Кокизова (1898), «Старинный караимский городок Калэ, называемый ныне Чуфут-Кале» М. Я. Фиркович (1907),¹ в периодических караимских изданиях «Караимская жизнь» (1911-1912), «Караимское слово» (1913-1914) и «Известия Караимского Духовного Правления» (1917-1919), «Три странички» Т. С. Леви-Бабовича (1926). В то же самое время в официальных документах, написанных на караимском языке, таких, например, как финансовые отчеты бахчисарайской общины, по отношению к караимскому кладбищу Чуфут-Кале традиционно применялось слово «кеварот». Этот факт говорит нам о том, что название Иософатова долина не проникло в область официально-деловой документации и осталось литературным названием.

Во второй половине XX века в караимской литературе появилось название кладбища Чуфут-Кале «Балта-Тиймез», что в переводе с тюркского означает «Топор не коснется». Поскольку это название не обнаружено в дореволюционных и более поздних источниках (например смотритель Чуфут-Кале с 1907 по 1928 год А.С. Дубинский в своих воспоминаниях использует исключительно название Иософатова долина)², то возникает тот же самый вопрос, который был задан С. А. Бейму председателем Духовного Правления в 1860 году: «Если Караимское кладбище, то почему и кем дано ему это название?». Попробуем найти ответ на этот вопрос в караимской переписке и публицистике первой половины XX века. Например, в письме Б. Я. Кокеная Симферопольскому караимскому клубу 1932 года упоминается случай, когда городские власти постановили сделать вырубку дубов, растущих на караимском кладбище Чуфут-Кале: «Нам известно, - пишет Б. Я. Кокеная, - что недавно Бахчисарайский Горсовет постановил вырубить дубовую рощу на караимском кладбище Иософатова Долина... пока Бахчисарайский Музей хлопотал перед Крымциком и Наркомпросом об отмене такого головопятского постановления, успели вырубить пять дубов, так называемых «Балта-Тиймаз», каждому из которых, вероятно, не менее полтысячи лет».³ В другом письме, написанном Т. С. Леви-Бабовичем С. М. Шапшалу в 1838 году, рассказывается о почитании караимами вековых дубов на кладбище Чуфут-Кале и высмеивается мнение об их священности. «Когда я писал эти строки (*о почитании дубов - В. Е.*), - пишет Т. С. Леви-Бабович, - я вспомнил профессора Башкирова (*имеется ввиду А. А. Башмаков - В. Е.*), который хочет отнести караимов к древопоклонникам, ибо они, придавая большую святость дубам Иософатовой долины, называли их «балта тиймаз»».⁴ Как видно из приведенных цитат, Б. Я. Кокеная и Т. С. Леви-Бабович применяют по отношению к караимскому кладбищу Чуфут-Кале название Иософатова долина, а дубы, растущие на этом кладбище, называют Балта-Тиймаз.⁵

Начиная с публикаций в журнале «Караимская мысль» конца 20-х годов XX века в работах С. М. Шапшала название Балта-Тиймез встречается в качестве татарского названия кладбища Иософатова долина. «Дело в том, что это старинное кладбище, расположенное в долине, носящей название Иософатовой, - пишет С. М. Шапшал в научной заметке «О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму» (1954), - сплошь заросло вековыми дубовыми деревьями, рубить которые у караимов считалось за великий грех, *отчего оно называлось татарами (выделено - В. Е.)* «балта-тиймез», буквально - «топор не коснется». Пережитки подобного древопочитания, по-видимому, унаследованы караимами от их предков хазар».⁶ В этой цитате надо отметить два важных для нас пункта: первых, название дубов «балта-тиймез» применяется уже ко всему кладбищу, а не только к деревьям;

¹ М. Я. Фиркович сообщает о том, что название Иософатова долина было дано кладбищу его дедом А. С. Фирковичем после возвращения из Иерусалима. Однако, такое объяснение выглядит сомнительным, так как это название известно задолго до 1830 года, когда А. С. Фиркович совершил паломничество в Иерусалим. Смотрите «Старинный караимский городок Калэ, называемый ныне Чуфут-Кале». С. 36.

² Записки Абрама Дубинского//Караимика. Симферополь-Слиппери-Рок. 2007

³ Письмо Кокеная Б. Я. в Симферопольский караимский клуб, 22.03.1932//КБ. Фонд Б. Я. Кокеная. № 2627.

⁴ Архивная страница/Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов Украины. № 13(22). Евпатория. 2014. С. 22.

⁵ Правильная форма «Балта-Тиймез».

⁶ С названием Балта-Тиймез тесно связано заблуждение о существовании у крымских караимов поклонения священным дубам, обсуждение которого выходит за рамки данной статьи. О библейских корнях традиции почитания (а не поклонения) дубов Иософатовой долины у крымских караимов смотрите статью Д. З. Тирияки «Дубы в сокральном пространстве караимов»//Известия Духовного Управления религиозных организаций караимов Украины. №№ 3, 4. 2012.

во-вторых, сообщается о том, что это название было дано кладбищу татарами. Далее, в своей работе «К вопросу об этногенезе крымских караимов» (1957) С. М. Шапшал снова указывает на то, что название «Балта-Тиймез» принадлежало крымским татарам: «Наряду с этим, у караимов до половины прошлого столетия еще держался культ поклонения священным дубам, растущим на многовековом кладбище «Балта Тиймез», как он назывался у местных татар (выделено - В. Е.)».¹

Мы подробно останавливаемся на этих цитатах для того, чтобы дать возможность читателю проследить, как появилось название кладбища Балта-Тиймез. Скорее всего, что первым, кто стал применять это название к самому кладбищу, был С. М. Шапшал. Если проанализировать те труды С. М. Шапшала, в которых упоминается кладбище Чуфут-Кале, то можно увидеть, как постепенно название Иософатова долина было заменено названием Балта-Тиймез. В самой первой, уже упомянутой нами его работе «Караимы и Чуфут-Кале в Крыму» (1896), где кладбищу посвящен раздел «Иософатова долина - кладбище караимов», используется исключительно название Иософатова долина; в статье «Караимы», опубликованной в журнале «Записки Крымского Горного Клуба» (1897), к кладбищу снова применяется название Иософатова долина; в статье «История происхождения должности и характер деятельности караимских гахамов», опубликованной в «Известиях Караимского Духовного Правления в 1918 году», к названию Иософатова долина в скобках дается добавление «по-татарски Балта-Тиймез»; в статье «Караимы на службе у крымских ханов», опубликованной на польском языке в журнале «Караимская мысль» (1929), также используется название Иософатова долина, но при первом его упоминании в скобках добавляется «по-татарски Балта-Тиймез»;² в научной заметке «О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму» (1954) используются оба названия, Иософатова долина и Балта-Тиймез, и, наконец, в последнем труде «К вопросу об этногенезе крымских караимов» (1957) название Иософатова долина уже отсутствует и его заменяет название Балта-Тиймез.

Так караимское название Иософатова долина, принесенное из священного города Иерусалима, постепенно было заменено на татарское название Балта-Тиймез. Это название, выдаваемое уже за караимское, проникло в караимские издания второй половины XX века, а затем и в обширную краеведческую литературу. Однако согласно поздней караимской традиции кладбище Чуфут-Кале носит название Иософатова долина.

В. А. Ельяшевич.

ТЕМУНОТ ЛЕ-ГАЗЗАНИМ

ИСААК ЮФУДОВИЧ ОРМЕЛИ³

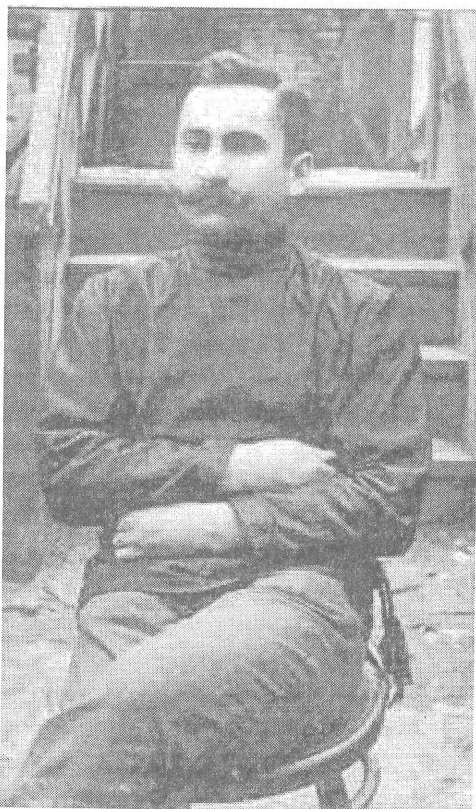
Исаак Юфудович Ормели родился 13 апреля (по старому стилю) 1882 года в городе Екатеринославе (современный Днепропетровск). Его родителями были переехавший в Екатеринослав евпаторийский мещанин Юфуда Исаакович Ормели и Назлы Ешувовна Мичри родом из Карасубазара (современный Белогорск). Юфуда и Назлы поженились в 1881 году, и через год у них родился первенец, которого они по караимскому обычаю назвали именем деда по отцовской линии - Исааком. Всего у супругов было пять детей, в 1887 году родилась Сарра, в 1889 году - Яков, в 1892 году - Анна и в 1894 году - Лиза.

Юфуда Исаакович Ормели был владельцем книжных магазинов в Екатеринославе. В 1894 году он обанкротился и, не пережив этого, скончался, оставив жену с пятью детьми без средств к существованию. Однако караимский джамаат Екатеринослава не остался равнодушным к судьбе семьи Ормели и взял под покровительство детей вдовы Назлы, которые были поселены при кенасе. Деятельное участие в этом деле принимал младший газзан местной кенасы С. Ш. Пигит, известный своим сочинением «Иггерет нидхе Шемуэль». Именно по его инициативе старший сын Назлы, Исаак, был отправлен на учебу в открывшееся в 1895 году Александровское караимское духовное училище (АКДУ), которое принимало до десяти иногородних мальчиков из бедных семей с полным их обеспечением на время учебы. 26 января 1895 года на имя Попечительского совета АКДУ было отправлено письмо от общины Екатеринослава с просьбой принять кандидатуру «ученика Исаака, сына вдовы Евпаторийского мещана».

¹ Шапшал С. М. К вопросу об этногенезе крымских караимов. Вильнюс. 1957. С. 61 (неизданное, из архива Т. С. Бабаджан, Москва).

² Шапшал С. М. Караимы на службе у крымских ханов//Караимская мысль. Том II. 1929. Вильнюс. С. 5-22.

³ Очерк написан на основе рассказа внучки И. Ю. Ормели Г. П. Гладиловой (со слов своей матери Т. И. Ормели) с привлечением архивных материалов.

нина Юфуды Исааковича Ормели, который по возрасту и познанию вполне согласен быть кандидатом».¹ Попечительский совет одобрил кандидатуру Исаака Ормели, и весной этого же года он прибыл в Евпаторию для подготовки к занятиям в училище, которые должны были начаться в июне. Александровское караимское духовное училище, или «мидраш газзаним», готовило газзанов и меламедов, что и определило дальнейшую судьбу И. Ю. Ормели.

В числе учеников первого выпуска АКДУ были также Берахья (Борис) Ельяшевич и Аарон Катык, ставшие впоследствии известными караимскими общественными деятелями. Инспектором и учителем караимского вероучения и древне-библейского языка в училище в то время был талантливый педагог Илья Ильич Казас, личность которого имела большое влияние на воспитанников, и в том числе на Исаака, который не забыл своего учителя и после окончания обучения. С Борисом Ельяшевичем Исаака связывала не только учеба. С первого курса мальчики подружились и, как оказалось впоследствии, на всю жизнь. Их дружбу отражает одна фотография, на которой запечатлены учащиеся первого выпуска АКДУ вместе с педагогическим составом - Исаак Ормели стоит рядом с Борисом Ельяшевичем. Известно, что во втором классе училища И. Ю. Ормели сочинял любимые караимским народом песни «Агават Пурим» («Любовь Пурима»), которые в день

праздника Пурима исполнялись учениками мидраша, ходившими по домам и собиравшими денег для своего учителя.

И. Ю. Ормели закончил полный курс обучения в «мидраш газзаним» в мае 1902 года и этим же летом познакомился в Евпатории с шестнадцатилетней девушкой Саррой Фиркович из Москвы, только что закончившей Институт благородных девиц в Риге и приехавшей в Крым погостить у своей двоюродной сестры Сарры Гелелович. Молодые люди полюбили друг друга и желали как можно скорее обвенчаться, но ... на их пути встало социальное неравенство. Однако любовь Исаака и Сарры оказалась сильнее социальных преград и, пройдя испытания разлукой и временем, привела их под венец. Сарра Фиркович по отцовской линии была правнучкой известного караимского ученого Авраама Самуиловича Фирковича, внучкой его сына Якова. По материнской линии она была племянницей богатого табачного фабриканта Ильи Давидовича Пигита, основавшего в Москве фабрику «Дукат» и принимавшего финансовое участие в образовании детей своей сестры Евы. Родителями Сарры были Исаак Яковлевич Фиркович и Ева Пигит. Узнав о любви Сарры и Исаака, они категорически запретили их брак. Сарра вернулась в Москву, а Исаак уехал в Екатеринослав, где вступил в должность меламеда. В 1903 году по достижении призывного возраста Исаак Ормели был зачислен ратником ополчения I разряда. В 1908 году он с отличием закончил бухгалтерские курсы «Математик». Семь долгих лет длилась разлука Сарры и Исаака, пока Сарра не решилась на отчаянный и смелый поступок - без ведома родителей она уехала к своему любимому Исааку в Екатеринослав. Вслед за ней туда же поехала ее мать и стала уговаривать дочь вернуться в Москву. Увидев безрезультативность уговоров и убедившись в сильной любви дочери, она сообщила об этом отцу Сарры, и тот, наконец, дал свое согласие на брак. Бракосочетание Исаака и Сарры состоялось в 1909 году в Москве. Свадьба, на которой присутствовал весь московский джамаат, была богатой и пышной и проходила в самом центре Москвы в гостинице «Метрополь». Каждому гостю вручали на память сувенир с дарственной надписью. В январе 1911 года у Исаака и Сарры в Москве родился первый ребенок, которого они также по караимской традиции назвали в честь деда Юфудой (Федором).

В Москве дядя Сарры И. Д. Пигит устроил Исаака на работу в магазин табачных изделий. Но очень скоро И. Ю. Ормели, не имевший расположения к торговле и отчаявшийся перед перспективой посвятить свою жизнь этому делу, пишет письмо в Евпаторию своему бывшему учителю И. И. Казасу с просьбой помочь найти место по образованию, то есть место газзана или меламеда. И. И. Казас не

¹ГАРК, ф. 450, оп. 1, д. 7.

оставил без внимания просьбу своего бывшего ученика, и когда в Феодосии в 1911 году освободилось место меламеда, он сообщил об этом Исааку. Так Исаак с Саррой и маленьким сыном Юфудой оказались в 1911 году Феодосии, где Исаак вступил в должность меламеда. В Феодосии у Исаака и Сарры Ормели родился второй ребенок - Лида. Из архивных материалов известно, что в Феодосии семья Исаака Ормели проживала сначала в доме С. Я. Арабаджи на ул. Дворянской, затем в доме А. В. Рыль на ул. Военной и в последнее время в доме Ш. А. Мурза на ул. Караимской.¹ Известно, что в 1912 году И. Ю. Ормели вместе с А. И. Катыком и А. С. Айвазом был членом правления Феодосийского караимского благотворительного общества.²

В июне 1915 года старший газзан симферопольской караимской кенасы Б. С. Ельяшевич был утвержден в должности старшего газзана Малой кенасы Евпатории, куда вскоре и переехал. Хорошо зная о желании своего друга быть газзаном, Б. С. Ельяшевич сообщает И. Ю. Ормели об освободившейся должности в Симферополе и тот пишет прошение в Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление о принятии его на эту должность. Караимским Духовным Правлением, а также караимской общиной Симферополя кандидатура И. Ю. Ормели была рассмотрена и одобрена. К сентябрю 1915 года И. Ю. Ормели переехал в Симферополь, где первое время занимал должность исполняющего обязанности газзана. 6 октября 1915 года он был утвержден в должности газзана Таврическим Губернским Правлением и после приведения к присяге 18 октября приступил к своим обязанностям, которые добросовестно исполнял на протяжении многих лет.³ Одновременно с этим И. Ю. Ормели служил преподавателем караимского вероисповедания в Караимском бесплатном женском училище имени Эстер Чифаньевны Коген. В Симферополе семья Ормели жила в первое время на улице Малобазарной, дом № 30, в доме Иванова (современная ул. Некрасова), а с 1916 года на ул. Фонтанной, дом № 13 (современная ул. Сергеева-Ценского), рядом с кенасой. Осенью 1915 года И. Ю. Ормели вместе с еще тремя караимскими газзанами (Т. С. Леви-Бабович, А. И. Катык, С. М. Кумыш) был призван в действующую армию, но благодаря ходатайству Караимского Духовного Правления в Департамент Духовных Дел призыв был отменен.⁴

И. Ю. Ормели выпала честь участвовать в приеме императора Николая II во время его посещения караимских кенас 16 мая 1916 года. Вот как это произошло. Когда Серайя Маркович Шапшал, бывший в то время караимским Гахамом, поднял вопрос о приглашении в Евпаторию ко дню визита императорской семьи еще одного газзана, Б. С. Ельяшевич предложил кандидатуру своего друга И. Ю. Ормели. С. М. Шапшал с И. Ю. Ормели знаком не был и поэтому поехал в Симферополь, чтобы познакомиться с ним и решить вопрос о его кандидатуре. Приехав в Симферополь, гахам не застал И. Ю. Ормели дома, но, узнав от его жены Сарры, что ее муж в кенасе, отправился туда. В кенасе Гахам услышал пение симферопольского газзана, которое ему очень понравилось, и по всей вероятности тут же принял решение пригласить его в Евпаторию. На ставшей уже хрестоматийной фотографии, на которой запечатлено шествие Николая II по дворику караимских кенас, И. Ю. Ормели и Б. С. Ельяшевич снова вместе, И. Ю. Ормели идет слева от императора, Б. С. Ельяшевич - справа. В этом же году, в августе, у Исаака и Сарры родился третий ребенок - Тамара. В 1922 году родится последний, четвертый ребенок - сын Элиша (Алексей). В 1917 году И. Ю. Ормели как газзан симферопольской общины участвовал в Общенациональном караимском съезде, проходившем в Евпатории.⁵

В 1917 году грянули судьбоносные для России события, Февральская революция, свергнувшая царскую власть и установившая власть Временного Правительства, а затем и Октябрьская революция, свергнувшая Временное Правительство. Караимы повсеместно присягали новой власти. Известно, что И. Ю. Ормели вместо скончавшегося газзана М. Л. Фенерли совершал богослужение в харьковской кенасе во время торжественной присяги Временному Правительству и произнес большую речь, «в которой обрисовал важность происшедшего переворота и значение его для будущих судеб России и населяющих ее народностей».⁶ Вскоре власть Временного Правительства была свергнута Советской властью, которая окончательно утвердилась в Крыму в 1920 году, а вместе с ней и идеология атеизма, не сулившая ничего хорошего представителям духовенства, в том числе и караимским газзанам. На газза-

¹ГАРК, ф. 241, оп. 1, д. 1312, л. 4.

²Хроника текущей жизни//Караимская жизнь. Книга 8-9. Москва. 1912. С. 119-120.

³ГАРК, ф. 241, оп. 1, д. 1312, л. 1, 4, 6, 10 (предоставил С. И. Шайтанов).

⁴ГАРК, ф. 241, оп. 1, д. 1275.

⁵Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. № 5-6. Евпатория. 1917. С. 5.

⁶Известия Харьковского Губернского Общественного Комитета. 4 апреля 1917 г. (предоставил А. Дзюба из Харькова).

нов стали оказывать давление, принуждать к отказу от должности и в случае неповиновения принимали жесткие меры. В такой ситуации оказались и друзья И. Ю. Ормели и Б. С. Ельяшевич. Дважды И. Ю. Ормели был арестован только за то, что исполнял положенные ему обязанности газзана. Первый арест произошел примерно в 1927-1928-х годах. Случилось это после того, как в кенасу пришли уполномоченные для описи имущества, у которых И. Ю. Ормели потребовал при входе в храм снять обувь. Как известно, согласно караимским канонам, основанным на текстах Священного Писания (Торы), в кенасу строго запрещено входить в обуви, чтобы не осквернять священного места: «И сказал (Господь) Моисею: «Не подходи сюда! Сбрось обувь с твоих ног, ибо место, на котором ты стоишь - земля святая!»». И. Ю. Ормели арестовали на следующий день. Узнав об аресте из письма Сарры Ормели, Б. С. Ельяшевич приехал в Симферополь ходатайствовать за своего друга, для чего он собирал у караимов положительные о нем отзывы. По сведениям Б. С. Ельяшевича, И. Ю. Ормели был обвинен в неподчинении местной власти и приговорен к трем годам тюремного заключения с конфискацией имущества. Но через месяц дело было пересмотрено по предложению Москвы на основании поданной И. Ю. Ормели апелляции, и решение суда признано неправильным. По всей видимости после ареста И. Ю. Ормели уже не вернулся к обязанностям газзана, так как по свидетельству Б. С. Ельяшевича он пробыл в этой должности до 1928 года.¹

Со слов Г. П. Гладиловой известен один интересный случай. Однажды, это было в 1926 году, Б. С. Ельяшевич пригласил жену И. Ю. Ормели Сарру вместе с дочерьми погостить у него в Евпатории. Встретив их на вокзале, он на бричке отвез гостей в свой дом на улице Верхней, где в то время находилась караимская библиотека «Карай битиклиги». Тамара Исааковна Ормели, которой тогда было 10 лет, вспоминает о том, как она проснулась утром среди множества книг под пристальным и строгим взглядом гахама С. М. Панпулова, смотрящего на нее с портрета и напугавшего ее. К удивлению Б. С. Ельяшевича девочка заинтересовалась книгами, и он рассказал ей о меджума, сиддурах и других книгах, хранящихся в библиотеке. Тамара Исааковна Ормели на всю жизнь сохранила в своей душе впечатление, полученное ею от книжных богатств «Карай битиклиги». Она и сейчас, будучи в преклонном возрасте, вспоминает увиденные ею однажды фолианты в кожаных переплетах с серебряными застежками, а некоторые даже инкрустированные драгоценными камнями.²

После отстранения от должности в 1928 году и национализации здания кенасы в 1930 году И. Ю. Ормели по мере возможностей продолжал выполнять свой долг перед общиной и перед Богом. Тайком и негласно он проводил венчания караимов, читал поминальные молитвы на похоронах, словом, невзирая на запрет, проводил положенные религией обряды. Это и стало причиной второго ареста И. Ю. Ормели, произошедшего примерно в 1932 году по доносу, после того как им была прочитана поминальная молитва на похоронах. На этот раз И. Ю. Ормели провел в заключении 8 месяцев и вернулся домой в ужасном состоянии, измученный душевно и физически. Своим домашним он рассказал о том, как тюремщики издевались над арестантами-священниками: выстроив в ряд священнослужителей всех религий, они стреляли им по ногам, предупреждая стрельбу криком: «Ну-ка, попики, попляшите». Кто-то успевал подпрыгнуть, а кто-то, кто был постарше возрастом, не успевал и получал тяжелые ранения, которые приводили к смерти.

Нам неизвестно, когда И. Ю. Ормели лишился избирательных прав, то есть стал «лишенцем», как говорили в те времена. Г. П. Гладилова предполагает, что это произошло после его второго ареста, но вполне вероятно, что и раньше. С лишением избирательных прав человек полностью лишился социальной поддержки, он не имел права работать в госучреждениях, поступать в высшие учебные заведения, исключался из профсоюзов, лишался пенсии, одним словом, становился изгоем общества. Выжить «лишенцу», особенно после введения в 1928 году карточной системы на продукты (а лишенцы карточек не получали), было очень сложно. Семье Ормели в это трудное время помогали из Москвы братья Евы Фиркович, матери Сарры, посылая в Симферополь продукты. В этом же году «за сокрытие социального положения» сына И. Ю. Ормели Федора исключили с четвертого курса сельхозинститута, а дочь Тамару со второго курса медицинского института. Это было тяжелое время для семьи Ормели, сам Исаак Юфудович переживал тогда глубокий душевный кризис, считая себя виновником всех несчастий.

Спустя несколько лет, положение семьи по неизвестным нам причинам стало легче: дочь Тамара поступила в Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева, И. Ю. Ормели

¹ Ельяшевич Б. С. Караимский биографический словарь (от конца VIII до 1960 г.). Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XIV. Караимы. Книга 2. 1993. С. 154.

² Тамара Исааковна Ормели скончалась 7 декабря 2014 года.

удалось устроиться в школу учителем математики, где он работал до пенсионного возраста. Как сообщает Г. П. Гладилова, в 1934 году И. Ю. Ормели был приглашен караимской общиной Каира на пост гахама египетских караимов. И. Ю. Ормели дал свое согласие, но во время оформления документов выяснилось, что его старшие дети, Федор и Лида поехать с ним не могли, так как к тому времени были уже совершеннолетние и имели паспорта. Узнав об этом, И. Ю. Ормели; отказался от переезда. Известно, что кандидатами на пост были также Б. С. Ельяшевич и Т. С. Леви-Бабович, последний из которых и был выбран египетскими караимами. В 1934 году, во время поездки с дочерью в Москву на поступление в институт, И. Ю. Ормели последний раз встретился с Б. С. Ельяшевичем. Борис Саадьевич вернется в Крым в 1946 году, когда его друга уже не будет в живых. Исаак Юфудович Ормели скончался в 1940 году на 58-ом году жизни.

«Научно-литературной работой Ормели не занимался, но был хорошим педагогом и большим патриотом, преданным всецело своему народу, благодаря чему пользовался среди караимов почетом и уважением» - такую краткую характеристику дал И. Ю. Ормели его друг Б. С. Ельяшевич в составленном им «Караимском биографическом словаре».¹

В. А. Ельяшевич.

ХРОНИКА ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

6 апреля в Министерство культуры направлена информация о действующих кенасах в Республике Крым (Евпатория, Кале, Симферополь).

9 апреля в Комплексе караимских кенас состоялась встреча членов Духовного Управления с заместителем Председателя Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым, начальником Управления по вопросам межнациональных отношений и национально-культурного возрождения репрессированных из Крыма народов Космыниным Юрием Владимировичем. Были рассмотрены вопросы руководства религиозными организациями и правовое положение караимского народа.

В апреле на обращение караимки из Челябинска Розы Вячеславовны Стронгиной ей дано разъяснение о караимском вероучении и структуре религиозных организаций в России, количестве караимов, проживающих в Крыму, высланы информационные материалы и караимский календарь.

8 мая, вечером, представители Духовного Управления приняли участие в реквиеме на Красной горке, посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

27 мая 2015 года на запрос Министерства культуры Республики Крым представлена информация по социально значимым проектам религиозных организаций, входящих в Караимское Духовное Управление.

11 июня 2015 года Председатель Караимского Духовного Управления хаджи Давид Тирияки принял участие в заседании «круглого стола» при прокуроре Республики Крым по вопросам межконфессиональных отношений, межнационального мира и согласия в республике, в том числе толерантности к различным народам Крыма и недопустимости экстремистских проявлений в молодежной среде в образовательных учреждениях. В резолюцию заседания внесено предложение Д. Тирияки о рассмотрении вопроса по созданию Комитета по делам религий в Крыму.

ЕВПАТОРИЯ

4 апреля прошло чтение «Галель га-гаддоль» - Хваления на Великую субботу, повествующего о

¹ Ельяшевич Б. С. Караимский биографический словарь (от конца VIII до 1960 г.). Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XIV. Караимы. Книга 2. 1993. С. 154.

библейских событиях исхода израильтян и других народов из Египта.

На вечернюю молитву в канун вечер Песах собралось более 40 человек, в воскресенье прошли утренние молитвы с выносом и чтением Сефер Тора. В течение всего утреннего богослужения в «эзрат йеладим» не смолкала возня детей, присутствующих в кенасе. Добровольные пожертвования прихожан в этот день составили 10310 рублей.

Еще в двух помещениях «Карай битиклиги» установлена пожарно-охранная сигнализация.

14 апреля состоялось возложение цветов к памятнику С. Э. Дувану на Театральной площади и памятному знаку И. С. Шакаю на ул. Дувановской. Эта ежегодная акция проводится в знак благодарной памяти о всех караимах, внесших вклад в развитие города.

На заседании Приходского совета от 18 апреля были рассмотрены вопросы выполнения плана мероприятий за I кв. 2015 г., празднования Дня Победы, финансовой отчетности, оказания материальной помощи.

1 мая в городе на Театральной площади состоялся традиционный «Парад эпох», приуроченный к открытию курортного сезона. Вместе с национальным флагом и гербом караимская делегация несла портреты писателей и поэтов.

При получении паспорта Евгений Тарасенко восстановил родовую фамилию - Габай.

Вечером 8 мая представители от общины приняли участие в реквиеме на Красной горке.

В канун 70-летия со Дня Победы евпаторийская община направила поздравления по сорока караимским адресам.

9 мая утренняя молитва началась на час раньше и прошла в сокращенном виде. В 10 часов в Мемориальном дворике Комплекса кенас начался митинг, посвященный 70-летию со Победы в Великой Отечественной войне. Накануне во дворе побелили стены, гирляндами цветов и праздничными лентами украсили колонны и Мемориал, натянули маскировочную сетку. Был подготовлен специальный стенд с портретами участников боевых действий и фрагментами торжеств прошлых лет, начиная от 1992 года. К началу митинга к тридцати молящимся присоединились еще 40 человек. Первым выступил Председатель Караимского Духовного Управления хаджи Давид Тирияки, после него взял слово старейшина общины Рени Яковлевич Крыми. После краткого выступления букет из 20 роз к Мемориалу возложил приехавший на мероприятие советник канцелярии Главы Российского Императорского Дома Владислав Пилькевич. С приветствиями выступили Председатель Правления ЕНККО «Кардашлар» Дмитрий Габай, Председатель общественного совета при Управлении межнациональных отношений Евпатории Александр Склярчук, прихожанин Анатолий Хаджи. После выступления Почетного Председателя ДУ Давида Эля была объявлена минута молчания и общее возложение цветов. Продуктовые подарки и конверты вручили присутствующим на митинге участникам ВОВ и вдовам участников боевых действий. Участников ВОВ, которые не смогли присутствовать на митинге, социальная служба поздравила такими же подарками на дому. В концертной программе, подготовленной детьми из караимских семей, и участниками вокальной группы караимского народного ансамбля «Фидан» прозвучали стихи, песни о ВОВ, письма с фронта. Во время митинга дети держали портреты дедов и прадедов, принимавших участие в боевых действиях Красной армии и партизанских отрядах. Проведением митинга руководила секретарь общины Екатерина Миронова. После митинга желающие собрались за праздничным столом.

Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым согласовал установку в Комплексе кенас мраморной доски в память о посещении Соборной кенасы императором России Николаем II.

Утром 11 мая караимы Евпатории отметили «Шевии ачерет» - 7-й день пасхальной недели. В течение всего праздника в кафе «Караман» посетителям вместо хлеба подавали опресноки, а в заключительный день праздника благотворительный обед для прихожан состоял исключительно из блюд пасхальной трапезы.

20 мая, в день рождения караимского гахама Серая Мордехаевича Шапшала, к памятной доске, установленной на стене дома, в котором он проживал по ул. Пушкина, возложили цветы.

К празднику Шавуот Евпаторийское национально-культурное караимское общество «Кардашлар» принесло в дар симферопольской кенасе металлическую вешалку, выполненную мастерами предприятия «Алтын нар».

Утренняя молитва на праздник Шавуот продолжалась около двух часов, состоялся вынос и чтение праздничного раздела из Сефер-Тора, принесение первых колосьев. К праздничному столу подали много выпечки, в том числе традиционные «сэпирткэ йумурта» - печеные яйца в корзиночке из теста. Празднику предшествовали чтения на 7 суббот седмиц.

В начале июня получены документы государственной регистрации Религиозной организации «Караимская религиозная община».

Сотрудники Крымской таможни выполнили в апреле маркировку наиболее ценных предметов, хранящихся в МИЭКК им. С. И. Кушуль, «Карай битиклиги», Большой и Малой кенасах.

К открытию курортного сезона в Комплексе кенас выполнены малярно-штукатурные работы дворов и цоколя портала главного входа, обновлены цветочные насаждения.

1 июня в международный день защиты детей ЕНККО «Кардашлар» организовало развлекательную встречу и сладкие угощения для детей караимских семей от 1 до 13 лет. В программе были игры, викторины, загадки, танцы, визаж-графити.

Диплом бакалавра по специальности «Музеология и охрана объектов культурного наследия» в Крымском Университете культуры защитил Александр (Аарон) Тирияки - руководитель экскурсионной службы общины.

За II кв. 2015 года социальная служба общины совершила 42 посещения прихожан-пенсионеров. Оказана материальная помощь Общей Н. Г.

С наступлением поста 9 Таммуз началось чтение глав из книги «Эха», продолжаемое до поста 10 Ав.

20 июня Комплекс караимских кенас посетили караимы и представители болгарского общества Севастополя. После субботнего завтрака для гостей были организованы экскурсии по маршруту «Малый Иерусалим» и МИЭКК им. С. И. Кушуль. Состоялась беседа, во время которой караимы Севастополя проявили интерес к опыту евпаторийцев по возвращению, возрождению и содержанию комплекса караимских кенас. В этот же день памятными подарками общинаа поздравила выпускников школ Д. Пьясо-ра, К. Чадык и А. Тирияки.

27 июня на внеочередном заседании Приходского совета было принято решение об утверждении

штатного расписания Религиозной организации «Караимская религиозная община» в количестве 8 сотрудников.

В вестибюле мидраша установлен баннер с текстом стихотворения В. Маяковского «Евпатория».

СИМФЕРОПОЛЬ

5 апреля караимы Симферополя отметили наступивший праздник Песах. В караимском классе Вечерней школы № 7 состоялось праздничное застолье.

26 апреля состоялась уборка караимских секторов городского кладбища «Абдал».

24 мая караимы Симферополя приняли участие в праздновании Шавуота на Кале.

В мае председатель национально-культурного караимского общества Евпатории «Кардашлар» Д. В. Габай принес в дар для молитвенной комнаты Симферополя кованую вешалку для одежды.

28-29 мая В. А. Ельяшевич и С. И. Шайтанов украсили южную алтарную стену молитвенной комнаты в здании симферопольской кенасы пасуком (стихом) на лешон кодеш из Книги Второзакония (6:9) «Слушай, Израиль: Превечный Бог наш, Превечный един». Также на скрижали были нанесены символизирующие число заповедей десять первых букв древнееврейского алфавита.

19 июня была зарегистрирована по российскому законодательству Местная религиозная организация «Симферопольская караимская религиозная община караимского вероисповедания «Чолпан»».

В результате деятельности А. А. Бабаджана, самовольно утвердившего новый молитвенник (см. хронику «Известий...» № 15), продолжается распад караимской религиозной общины Симферополя. На сегодняшний день трое прихожан, не согласных с деятельностью А. А. Бабаджана, перестали участвовать в общем Богослужении.

ФЕОДОСИЯ

12 апреля караимы из религиозной общины совершили воскресный поход на гору Эчки-Даг в районе посёлка Щебетовка (бывш. Отузы).

26 апреля в рамках мероприятия «Библионочь», проходившего в городской библиотеке имени Семёна Пивоварова, караимская религиозная община поставила спектакль «Яшка» по мотивам рассказа А.И. Катыка «Записки караимского школьника» (сценарист и режиссер А.С. Альянаки). Зал библиотеки был заполнен, многим не хватило мест, так что смотреть пришлось стоя...

http://libfeo.ucoz.ru/load/biblionoch_v_biblioteke_s_pivovarova/1-1-0-51

24 мая на праздник Шавуот МРО «Караимская община г. Феодосии» совершила паломнический хадж в древнюю кенасу Кале. Был проведен совместный молебен с караимами общины Симферополя и караимскими представителями Бахчисарая и Евпатории. После праздничного Богослужения караимы проследовали в усадьбу А.С. Фирковича, где прошла совместная трапеза. Перед трапезой И.А. Шайтанов рассказал о празднике и освятил пищу.

Служения проходят каждую субботу в 10 часов, а также в 17 часов верующие собираются для чтения и изучения ТаНаХа.

14 апреля 1995 года Евпатория отмечала 125-летие со дня рождения городского головы Семена Эзровича Дувана. План мероприятий этого торжества был утвержден решением Евпаторийского горисполкома от 24.02.95 г. и включал четыре пункта: осмотр художественной выставки «К 125-летию

С. Э. Дувана», торжественное собрание в городском театре, концерт артистов Крымской филармонии, посещение караимских кенас.

Почтить память соплеменника, прославившегося на административной службе города, собрались караимы из многих городов Украины, Литвы, России, Польши, Франции.

В плане мероприятий городских торжеств не было указано одно событие - праздничное богослужение на вечер Песах,

КОМНАТА ДЛЯ БОГОСЛУЖЕНИЙ В МИДРАШЕ (1995-1999)

которое запланировано было провести в помещении мидраша. Здесь заранее был установлен перевезенный из Галича алтарь, над восстановлением которого работал Борис Эммануилович Кушлю с сыном Олегом. Помещение условно было разделено на мужскую и женскую половины. Вечернее богослужение начал председатель правления ЕНККО «Кардашлар» и руководитель религиозной общины В. З. Тирияки, затем его сменил Авраам Кефели. Члены евпаторийской общины и караимы Галича участвовали в богослужении исполнением джувата. В заключение праздничного богослужения Д. М. Эль и М. С. Коген извлекли из алтаря Сефер Тора в красиво вышитом Тора-упрак, а праздничный раздел прочел А. Кефели. Все молитвы были исполнены на лешон кодеш по молитвенникам, изданным в Вильне в 1903 году.

Староста караимской общины Галича Яна Львовна Эшвович поблагодарила караимов Евпатории за возможность увидеть восстановленную и используемую по назначению религиозную святыню - алтарь Галичской кенасы. После небольшого перерыва все присутствующие - 120 человек - собрались в соседнем зале мидраша, где был накрыт праздничный стол с традиционными блюдами на Песах. После чтения Агада приступили к праздничной трапезе.

После празднеств старейшины караимской общины выразили желание, чтобы молитвенные собрания проходили постоянно. С тех пор прошло двадцать лет и ежесубботне и в праздники караимы собираются на молитвы.

А. В. Паша.

АРХИВНАЯ СТРАНИЦА.

В прошлом брачное право у караимов было представлено двумя документами, имевшими полную юридическую силу: брачный договор (шетар) и разводное письмо (гет питтурин). Если караимский брачный договор, представляющий собой не только юридический документ, но и ценный исторический, этнографический и художественный материал, изучен достаточно хорошо, то разводной лист обойден исследователями вниманием. Чтобы восполнить этот пробел, редакция «Известий» решила опубликовать ряд материалов, касающихся разводного письма.

Брачное право у караимов регламентировалось двумя книгами караимских классиков-экзегетов: это книга Аарона бен Эльягу Никомедио-младшего (XIV в.) «Ган Эден» («Рай») и книга Эльягу бен Моше

Башиячи (XV в.) «Аддерет Эльягу» («Мантия Эльягу»). Обе книги являются своего рода сводом законов и постановлений, разъясняющих и дополняющих основные законоположения Торы. В разделе «Седдер Нашим» («Правила о женах») обеих книг подробно изложены все нормы и постановления о браке, но мы возьмем за основу книгу «Аддерет Эльягу», как более позднюю и наиболее авторитетную книгу караимской экзегетики, учитывая еще тот факт, что книга эта в связи с разводом всегда упоминается в первую очередь. Из 14 глав «Седдер Нашим» книги «Аддерет Эльягу» 3 главы посвящены разводу (герушин) с разъяснением всех условий и прав обеих сторон. Основание для развода находится в Торе, в книге Второзаконие 24:1, где сказано: «Если возьмет человек жену и войдет к ней, то если не понравится она ему, потому что нашел он в ней какой-либо ущерб (эрват даввар), то пусть напишет ей разводное письмо (сефер критут), и даст ей в руку, и отошлет ее из дома своего».

Этот стих является краеугольным камнем бракоразводного права у караимов. Он давал право мужу развестись с женой, но только в том случае, если на это есть веская причина - «потому что нашел он в ней какой-либо ущерб». «Жена не может быть разведена по одному желанию мужа, но только в том случае, если есть «эрват даввар» - так начинается 12-я глава «Об условиях развода» раздела «Седдер Нашим». Поскольку в Торе нет никаких пояснений относительно выражения «эрват даввар», которое буквально переводится как «срамное дело» (или «что-то срамное»), то эту задачу пришлось решать богословам. В «Седдер Нашим» «эрват даввар» определяется через слово «мум» - ущербность, недостаток или непереносимое увечье. «Мум» делился на два вида: душевный и телесный, которые в свою очередь делились на несколько подвидов. К душевному недостатку относили нарушение заповедей Торы, например осквернение субботы и употребление в пищу нечистой еды. Телесный недостаток делился на малый и большой, на врожденный и приобретенный. Например, поводом для развода могли быть веснушки на лице или плохой запах изо рта, которые определялись как малый недостаток. К большим телесным недостаткам относились неизлечимые болезни, глухота, слепота, слабоумие и т. д. Одним из подвидов телесного недостатка был недостаток характера, к которому относились, например, плохой характер и супружеская неверность.

Право на развод Тора предоставляет только мужчине, но применяя принцип аналогии, Эльягу бен Моше Башиячи дает право на развод также и жене: «И как мужчина может развестись при условии эрват даввар, то также и женщина может развестись при условии эрват даввар». В «Седдер Нашим» сказано, что жена может развестись с мужем, если он не выполняет условий брачного договора, «лишает ее одежды, пищи и супружеского сожительства», если болен неизлечимой болезнью, бесплоден и имеет нестерпимые душевные и телесные недостатки. Согласно «Аддерет Эльягу» жена могла развестись с мужем даже без его согласия и без разводного письма.

В «Аддерет Эльягу» указано еще одно основание для развода, помимо «эрват даввар», которое не упоминается в Торе, - это обоюдное согласие супругов («бе-рачон шенину», буквально «по желанию обоих»). В «Седдер Нашим» сказано: «Женщина не разводится иначе, как в доме суда согласно упомянутым условиям в том случае, если нет любовного согласия на развод, но если есть любовное согласие, то не надо условий, только напишет ей разводной лист (сефер критут), как написано «и напишет разводной лист» и даст ей в руки». Итак, по караимскому закону супруги могли развестись в двух случаях: если есть обоюдное желание (бе-рачон шенину) и если у одного из супругов обнаруживается какой-нибудь недостаток (эрват даввар). В давние времена развод производился в доме суда («бет дин га-гадоль»), а с 1839 года - в Таврическом и Одесском Караимском Духовном Правлении в Евпатории,¹ куда разводившиеся супруги, где бы они ни проживали, должны были явиться для рассмотрения их дела. Бракоразводное дело вел Гахам и два старших газзана Большой и Малой евпаторийских кенас. Для начала супругам предлагали примириться, и если они на это не соглашались, то тогда приступали к судебному разбирательству. Если с обеих сторон было согласие на развод (бе-рачон шенину), то через 12 месяцев (согласно «Аддерет Эльягу») составлялось разводное письмо, и на этом бракоразводный процесс и заканчивался, но если одна из сторон не была согласна на развод, то тогда от желающего развестись требовали на то оснований (эрват даввар), при отсутствии которых развода могли не дать.

Право выдавать разводное письмо принадлежало мужчине, но в том случае, если мужчина отказывался выдавать письмо, а у женщины были основания для развода, то Духовное Правление, становясь на защиту интересов женщины, выдавало ей разводное письмо, которое имело такую же силу, как письмо, выданное мужем. В Торе разводное письмо называется «сефер критут», (буквально «книга расторжения»), но караимы, вероятно, еще со времен Аарона бен Эльягу Никомедия-младшего использовали

¹ С 1863 года также и в Духовном правлении Западных губерний.

зайствованное из Мишны название «гет питтурин», или сокращенно «гет». Во всяком случае, в книгах «Ган Эден» и «Аддерет Эльягу» использует термин «гет», а Эльягу Башиячи в 12 главе «Седдер Нашим» среди прочего сообщает, что так разводной лист называется у талмудистов. Интересно, что в тексте разводного письма используются три термина в таком порядке: гет питтурин, сефер критут и аггерет шиббукин, имеющее одинаковое значение. Бракоразводным правом, изложенным Эльягу бен Моше Башиячи в книге «Аддерет Эльягу», караимы руководствовались на протяжении нескольких веков вплоть до XX века, что подтверждается документами из архива Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Ниже мы приводим несколько текстов, дающих представление о бракоразводном праве у караимов XV-XIX веков. Ключевые термины в переведенных текстах даются без перевода.

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА ГЕТ ПИТТУРИН ИЗ КНИГИ «АДДЕРЕТ ЭЛЬЯГУ».¹

«В (..) день недели, в (..) день месяца (..) в (..) году от разрушения второго Храма,² в городе (..), я (имярек), сын (имярек) дал развод, отпустил и оставил (имярек) дочь (имярек), которая была мне женой, потому что нашел в ней *эврат давар*, и развожусь с ней и отпускаю ее посредством этого *гет питтурин*, с этого дня и далее она не является моей женой, а я ее мужем, она не имеет ко мне влечения, и я не являюсь ее господином.³ И она отпускается мною, и свободна и может выходить замуж за того мужчину, за которого пожелает. И мужчина не может стереть ее рукой от моего имени с этого дня и далее. И это ей *гет питтурин*, и *сефер критут* и *аггерет шиббукин* согласно религии Моисея и Израиля.

ПИСЬМО ИЗ АРХИВА ТАВРИЧЕСКОГО И ОДЕССКОГО КАРАИМСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ (ГАРК, ф. 241, оп. 1, д. 193, л. 2).

Октября дня 1873 года

В Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий

На предписание онаго Департамента от 5 прошлого Сентября за № 2136 Караимское Духовное Правление имеет честь донести, что браки караимов расторгаются по караимскому закону Пятикнижия Моисеева книги 2-й Закона главы 24-й и книги Сефер Аддерет и Ган Эден и прочие, по нижеследующим причинам, ежели муж не исполняет данной при венчании клятвенной присяги, а именно: не доставляет жене своей одежды, пищи и супружеской любви или же не исполняет религиозного закона, то жена имеет право требовать развод. Буде же жена не повинуется мужу безнравственная, не исполняет закона религии, имеет неизлечимую болезнь или же не имеет девственности, или же в течение 10 лет не имеет детей, то муж имеет право на развод. Если же все это подтверждается ясными доказательствами, расторгаются браки следующим порядком. После разбора к разводу супругов выдается гет, то есть разводной лист. Ежели кто из супругов не желает выдать, то тогда выдается от Духовного Правления женщине разводной лист, а мужчине Свидетельство по удостоверению мужем иску, то есть по венчальному акту. Причем Духовное Правление присовокупляет, что, кроме вышеобъявленных причин, есть и другие причины, имеющие право на развод, которые рассматриваются и разводятся по суду Духовного Правления согласно параграфу 29 1097 ст. XI т. части 1-й 1864 года.

ГЕТ ПИТТУРИН 1868 ГОДА ИЗ АРХИВА ТАВРИЧЕСКОГО И ОДЕССКОГО КАРАИМСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ (ГАРК, ф. 241, оп. 1, д. 115, л. 33)⁴

В четвертый день недели, в пятый день месяца сиван 1800 года от разрушения второго Храма был написан этот *гет питтурин* в большом доме суда в Гезлеве⁵ (в Духовном Правлении). И дан в руки

¹ Перевод с древнееврейского языка В. А. Ельяшевич.

² В отличие от шетара, в разводном письме дата считается не от сотворения мира, от разрушения второго Храма, в знак разрушения семьи.

³ Реминисценция на книгу Бытие, 3:16: «и к мужу твоему влечение твое, и он будет властвовать над тобою».

⁴ Перевод с древнееврейского языка В. А. Ельяшевич.

⁵ Евпатория.

госпоже (имярек),¹ скромной, почтенной, дочери уважаемого господина (имярек) из города Одессы, которая была женой почтенного господина (имярек). Согласно приговору большого дома суда от 12 февраля 1868 года: так как вышеупомянутый (имярек) нарушил брачный союз с вышеупомянутой (имярек) и не выполнил союза, написанного в Торе, лишив ее пищи, одежды и супружеского сожителства. И оставил ее в доме ее отца как оставленную жену без развода, в лишении на целых три года. И на все уговоры большого дома суда не причинять страданий дочери Израиля, лишенной мужа и скорбящей, ответы его были обманчивы. Поэтому было решено в большом доме суда взять ее у него через *гет*. И ответил вышеупомянутый (имярек), что не согласен он подписывать *гет*. И тогда вынужден был большой дом суда поставить подпись за него, имеющую такую же силу, как его собственная подпись, с 8 февраля 1868 года, и которая разрешает большому дому суда написать и подписать вместо него, в то время как он отказался сам подписать. И подпись большого дома суда считается действительной как его подпись. И согласно этому *сефер критут*, с этого дня она не является его женой, а он ее мужем, она не имеет к нему влечения, и он не является ее господином. И она отпускается нами, и она свободна и может выходить замуж за того мужчину, за которого пожелает. И муж не может отменить это сам с этого дня и далее. И это ей *гет питтурин*, и *сефер критут*, и *аггерет шиббукин* согласно религии Моисея и Израиля.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО АРХИВУ
(продолжение, начало в №№ 12-15)

Дело № 24. Материалы об исключении из податного состояния служащих причетниками в караимских кенасах.

Хронологические рамки: 1858-1861 год. Количество листов: 37. Язык: русский.

Содержание: Переписка ТОКДП в связи с указом о 10-й переписи населения. Заявления о лицах, имеющих духовный сан (газзаны и шамашы), с просьбой исключить их из податного состояния и освободить от подушной подати.

Все сословия Российской империи делились на податные, то есть платящие подушную подать (крестьяне и мещане), и неподатные сословия (привилегированные), то есть освобожденные от подушной подати (дворяне, духовенство, купцы и др.). По закону караимы, избранные и утвержденные газзанами или шамашами, только на время их службы и только лично (без права передачи своего сословия детям) исключались из мещанского сословия и причислялись к духовенству.

Дело № 25. Материалы о выдаче разным лицам караимам метрических свидетельств и справок.

Хронологические рамки: 1858-1860 год. Количество листов: 11. Язык: русский.

Содержание: Прошения разных лиц в ТОКДП о выдаче метрических свидетельств и копии свидетельств.

Дело № 26. Дело о ходатайстве наград Габаю караимской синагоги Моше Шишману.

Хронологические рамки: 1858-1960 год. Количество листов: 11. Язык: русский.

Содержание: В деле хранятся два «Формулярных списка о службе Габая Караимской Синагоги в Иерусалиме Евпаторийского 1 Гильдии Купца Моше Аврамова сына Шишмана», составленные в 1858 и 1960 годах.

Караимские общины Крыма на протяжении всего своего существования поддерживали связь со священным городом Иерусалимом («ир га-кодеш»), где проживала малочисленная караимская община. Эта связь осуществлялась в том числе посредством добровольных (а впоследствии и обязательных) денежных пожертвований для покрытия общественных расходов караимов этого города, главным образом по содержанию кенасы. Для заведывания такими пожертвованиями, поступающими из Крыма в Иерусалим, караимы назначали специального габбая, как правило обеспеченного и материально независимого человека, который назывался «габбай шель ир га-кодеш» - с древнееврейского языка «габбай священного города» или в русском варианте «габбай иерусалимской кенасы». Благодаря сохранившемуся в деле № 26 формулярному списку нам известно, что с 1851 по 1860 год должность «габбай шель ир га-кодеш» занимал евпаторийский 1-й гильдии купец Моисей Аврамович Шишман, которому на момент его избрания было 34 года. Моисей Аврамович Шишман был очень состоятельным человеком, известно, что ему принадлежал каменный дом, 17 магазинов, кофейная лавка, два хлебных магазина,

¹ Имена из этого документа пропущены в виду конфиденциальности.

турецкие бани в Евпатории, виноградник на реке Каче, фруктовый сад при деревне Ханышкой (современное Отрадное). Вторым сыном Моисея Аврамовича Шишмана был Бераха Моисеевич Шишман (1844-1916) - известный общественный деятель, 20 лет исполнявший должность попечителя Александровского караимского духовного училища и более 25 лет должность габбая иерусалимской кенасы.

Дело № 27. Постановления Таврического и Одесского караимского духовного правления.

Хронологические рамки: 1859 год. Количество листов: 7. Язык: русский.

Содержание: Протоколы двух заседаний ТОКДП по делу: 1. О требовании с караимской кенасы Луцкой почтовой конторой весовых денег за пересылку метрических книг. 2. О прошении евпаторийского шамаша И. Арсланова о переведении его на службу в Бахчисарай.

Дело № 28. О движении караимского населения по Таврической губернии.

Хронологические рамки: 1859-1860 год. Количество листов: 63. Язык: 62 - русский, 1 - караимский.

Содержание: Письма газзанов в ТОКДП со статистическими данными. Поименный список родившихся и умерших в Екатеринославе и Елизаветграде. Поименный список караимского населения Севастополя и Николаева.

Дело № 29. Дело о непринятии Луцкого почтового контораю от синагоги бесплатно официальных бумаг.¹

Хронологические рамки: 1859-1860 год. Количество листов: 9. Язык: русский.

Содержание: Переписка по делу рапорта в ТОКДП газзана луцкой кенасы М. Турчина о том, что при отсылке метрических книг почтовая контора Луцка потребовала «весовые деньги».

Дело № 30. Прошение Евпаторийского 1-й гильдии купца А. Ормели о семейном конфликте.

Хронологические рамки: 1859 год. Количество листов: 10. Язык: 6 - караимский, 4 - русский.

Содержание: Переписка по делу семейного конфликта, произошедшего между евпаторийским купцом Авраамом Ормели и его женой Бияной.

Дело № 31. Жалоба старшего Хазана Николаевского караимского общества об оскорблении его Шолемом Чибар.

Хронологические рамки: 1859 год. Количество листов: 6. Язык: 3 - караимский, 3 - русский.

Содержание: Переписка по делу семейного конфликта, произошедшего между николаевским газзаном Яковом Якутиэлевичем Калифом и его женой Фирсин (урожденной Чибарь).

Дело № 32. Опись дела Таврического и Одесского караимского духовного правления.

Хронологические рамки: 1860-1873 год. Количество листов: 21. Язык: русский.

Содержание: Опись дел Духовного Правления за 1860-1873 год.

Дело № 33. Протоколы Таврического и Одесского караимского духовного правления.

Хронологические рамки: 1865 год. Количество листов: 25. Язык: русский.

Содержание: Слушания дел в ТОКДП с определениями. Среди них:

Слушание дела об отсутствии в кенасах Феодосии, Симферополя и Херсона утвержденных газзанов с определением обратиться в городскую полицию этих городов и просить ее заставить караимские общества избрать по два газзана: старшего и младшего (л. 3).

Слушание рапорта старшего газзана бахчисарайской кенасы С. А. Бейма об увольнении его с занимаемой им должности и утверждении в должности старшего газзана одесской кенасы с определением отказать С. А. Бейму на том основании, что в Одессе есть утвержденный в 1859 году старший газзан А. М. Бейм (л. 5).

Слушание прошения евпаторийского 1-й Гильдии купца Вениамина Тонгура с сообщением о том, что евпаторийская портовая таможня не выдает присланные ему из-за границы 17 экземпляров Торы на караимском языке с определением предписать младшему газзану Исааку Суултанскому осмотреть в таможне означенные книги на предмет их содержания (л. 7).

Слушание двух донесений евпаторийского общества об избрании в евпаторийскую Малую кенасу младшим газзаном Садука Моисеевича Мичри и шамашем Ильягу Аароновича Оксюза с определением просить Таврическое Губернское правление об утверждении их в указанных должностях (л. 16-17).

Слушание рапорта перекопского общества об избрании старшим газзаном трокского мещанина Захарии Шоилтиэлева сына Харченко и младшим газзаном бахчисарайского мещанина Ильяго Шолемовича Катька определением просить Таврическое Губернское правление об утверждении их в указанных должностях (л. 18-19).

¹ Сохранено оригинальное название дела.

Слушание проекта С. А. Бейма о преобразовании Чуфут-Кале (л. 20).

Дело № 34. Рапорты попечителей караимских училищ о произведенных испытаниях учениками и объявлении благодарности Моше Султанскому за прилежное преподавание.

Хронологические рамки: 1860 год. Количество листов: 2. Язык: русский.

Рапорт в ТОКДП Попечителей караимских училищ Евпатории Симы Ходжаша и Самуила Аронова сына Панпулова с выражением благодарности учителю Моше Султанскому за его отличную педагогическую деятельность и с объявлением о выдаче с целью поощрения похвальных листов и наград его ученикам.

Дело № 35. Алфавитный указатель получивших метрические свидетельства из караимского духовного правления.

Хронологические рамки: 1860-1884 год. Количество листов: 109. Язык: русский.

Содержание: «Алфавитный указатель лицам, получившим метрические свидетельства из Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления с 1860 по 1884 год». Список имен караимов, получивших от ТОКДП метрические свидетельства с 1860 по 1884 год.

Дело № 36. Алфавитный список лиц, получивших метрические свидетельства.

Хронологические рамки: 1860-1882 год. Количество листов: 40. Язык: русский.

Содержание: список имен караимов, получивших от ТОКДП метрические свидетельства с 1860 по 1882 год.

Дело № 37. Отчеты и сведения о рождении, смерти и бракосочетании караимского населения.

Хронологические рамки: 1860-1861 год. Количество листов: 97. Язык: 91 - русский, 6 - караимский.

Содержание: Рапорты газзанов в ТОКДП со статистическими данными. Поименный список караимского населения Севастополя (л. 16-18). Общие статистические таблицы.

Дело № 38. Переписка о предоставлении в полицию удостоверения о принятии исповеди и причастия прислугой (из христиан), находящейся у караимов.

Хронологические рамки: 1860 год. Количество листов: 4. Язык: русский.

Содержание: Отношение Евпаторийской городской полиции в ТОКДП с предписанием караимам, имеющим прислугу из христиан, получить свидетельства Свято-Никольского собора о том, что прислуга эта является на исповедь.

Дело № 39. Материалы о расторжении брака между Бахчисарайским мещанином Я. Борю и его женой Авою.

Хронологические рамки: 1860 год. Количество листов: 40. Язык: 23 - русский, 17 - караимский.

Содержание: Дело о разводе Якова Исааковича Борю, проживающего в Бахчисарае, с Гаввой Марковной Ичаджик. Рапорты Соломона Бейма на караимском и русском языках.

Дело № 40. Прошение купца 1-ой гильдии Самуила Яковлева о выдаче ему удостоверения, подтверждающего бракосочетание его брата Гамала с Эстер Майгублевой.

Содержание: Прошение евпаторийского купца Самуила Яковлевича Гамала в ТОКДП о выдаче свидетельства о браке его брата Исаака с Эстер Мангуби. Рапорт евпаторийского газзана Аарона Алты Ока с засвидетельствованием этого брака.

ИНФОРМАЦИЯ.

1. Панорама караимского кладбища в Галиче см.: <http://karpatv360.com.ua/vr/247>
2. С июня текущего года начал работать сайт В. А. Ельяшевича «Энциклопедия крымских караимов»: <http://karaimbook.com>
3. Празднование 10-летия восстановления Соборной кенасы состоится в Евпатории 13 сентября.

Корреспонденции для последующих номеров «Известий ДУ...» принимаются по адресу:
297408, Республика Крым, г. Евпатория, ул. Караимская, 68, тел. (06569) 3-30-35.

E-mail: karaim.kenesa@yandex.com

Подписано к печати 18.08.2015 г. Заказ 375.
Редактор Вячеслав Ельяшевич.
Ответственный за выпуск Екатерина Миронова.
Корректор Ирина Эль.

Отпечатано в типографии ООО «Литературно-издательское агентство «Вечерняя Евпатория». 297420, Крым, г. Евпатория, Черноморское шоссе, 2. Тел. (36569) 5-67-29. ИНН 9110008263. ОГРН 1159102016611. КПП 911001001. Тираж 200 экз.